

A close-up photograph of several ripe, red strawberries with green leaves, scattered on a light-colored wooden surface. The strawberries are the central focus of the image, with some showing their seeds and others partially cut.

Александр Амурчик

Избранный Декамерон

ЛУЧШИЕ ЭРОТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Александр Амурчик

**Избранный Декамерон.
Лучшие эротические истории**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Избранный Декамерон. Лучшие эротические истории /
А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903132-7

Произведение Александра Амурчика «Прутский Декамерон» — особое в своем роде. Автор создал десять книг, рассказывающих о бесхитростных сексуальных радостях и лихо закрученных приключениях советского парня из молдавской глубинки. В этой книге собраны наиболее эффектные и занимательные истории этого цикла.

ISBN 978-5-44-903132-7

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Избранные произведения из серии «Прутский декамерон»	6
Капитанская дочка	6
Катрин	12
Глава первая	12
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	31
Глава восьмая	32
Уфа – Стерлитамак	34
Глава первая	34
Глава вторая	36
Глава третья	38
Глава четвертая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Избранный Декамерон Лучшие эротические истории

Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2018

ISBN 978-5-4490-3132-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Избранные произведения из серии «Прутский декамерон»

Капитанская дочка

Коктейль «Серенада»

Апельсиновый сироп – 20 мл.

Ванильный сироп – 20 мл.

Гранатовый сок – 100 мл.

Газированная вода – 100 мл.

Ломтики апельсина.

Смешиваем ингредиенты, украшаем ломтиками апельсина.

*Приснилась мне юность отпетая,
приятели – мусор эпохи,
и юная дева, одетая
в одни лишь любовные вздохи.
Игорь Губерман*

Душно. Воздух в комнате буквально сперт, стоит и не движется, несмотря на открытое настежь окно, и оттого, наверное, мне не спится. Приподнявшись в постели, я с осторожностью повернулся на другой бок. Диван, несмотря на все мои старания, все же противно скрипнул, однако дыхание моей супруги, спящей рядом, оставалось по-прежнему ровным и спокойным. Я осторожно сполз с дивана и в этот самый момент в прихожей негромко зазвонил телефон. Он прозвенел всего один раз и на втором звонке оборвался. Чей-то случайный, ошибочный звонок? Я сморщился словно от зубной боли, затем посмотрел на жену, но и на этот раз она не шелохнулась и не сбилась с дыхания. И лишь выйдя на кухню и залпом выпив кружку прохладной воды из холодильника, я понял, что это был не случайный, а наш с Кондратом условный, то есть кодовый звонок! Один – плюс. Целый звонок и на втором обрывается. Это означало, что я срочно нужен моему товарищу Кондрату, то есть мне надлежит в течение десяти ближайших минут быть во дворе около дома. А на часах без двадцати минут двенадцать.

Сняв со стула брюки и рубашку, я на цыпочках вышел в коридор и, не включая света, стал торопливо одеваться, недоумевая, зачем в такое позднее время мог ему понадобиться. Заметив на тумбочке рядом с телефоном пачку «Мальборо», я сунул её в карман, следом спички, обулся, затем вышел за дверь и, тихо затворив ее за собой, запер на ключ.

Спустившись вниз и обойдя вокруг дома, я подошел к бетонной коробке автобусной остановки. Все вокруг – небо, земля, окружающие меня здания микрорайона, – сливается в темные полутона. Пустынное в этот час шоссе едва отличимой на общем фоне серой лентой лежит передо мной, окаймленное с обеих сторон невысокими деревьями.

Я присел на деревянную скамеечку внутри остановки. В ожидании прошло несколько томительных минут, затем я заметил свет фар едущей по дороге машины, они на добрую сотню метров освещали впереди себя шоссе, вырывая из темноты поочередно дома, деревья, фонарные столбы. Я вышел на дорогу и призывно помахал рукой. Машина, приблизившись, резко затормозила, съехала на обочину, при этом ее слегка занесло на придорожной пыли. Наконец она остановилась, фары погасли, и тишина, окружавшая меня еще несколько мгновений назад, взорвалась громкими голосами, доносившимися изнутри автомобиля.

Конечно же, это были наши!

Передо мной была гастрольная машина нашей компании – до предела раздолбанный желто-песочного цвета «жигуль-03», принадлежащий Игорю по кличке Жердь, который сидел за рулем, рядом с ним находился Кондрат, оба – мои лучшие друзья.

– Ну что, Савва, ты не удивился, что я так поздно позвонил? – спросил меня Кондрат, осторожно выбираясь со своего места. Это у него из-за высокого роста получается не слишком ловко.

– А вот наконец и наш дружбан Савва, – кузнечиком выпрыгнув из водительского сидения и подбегая ко мне, громко кричит Игорь, перебивая товарища, – стоит, бедняга, ожидая нас, и уже просто помирает со скуки.

Игорь в порыве дружеских чувств со всего маху хлопает меня по плечу – заметно, что он здорово навеселе. Мы обнимаемся, затем жмем друг другу руки, смеемся, спрашиваем о новостях. На заднем сиденье, как я уже заметил, сидят три незнакомые мне девушки, их трудно-различимые в неверном свете луны лица то и дело мелькают в проеме открытого окна, и я с интересом на них поглядываю. Судя по переливистому смеху и громким восклицаниям, они тоже изрядно выпивши. В какое-то мгновение Кондрат берёт меня за руку, отводит в сторону и шепчет:

– Я тут задумал одно дельце, и для этого мне понадобился ты. Сейчас поедем на озеро, ты там вплотную займешься моей бывшей подругой – Маринкой. Помнишь, я тебе как-то говорил, что решил от неё избавиться?

– Ага, – киваю я, смутно припоминая что он что-то подобное мне недавно говорил. – Ты еще сказал, что она твоя подруга чуть ли не с детских лет.

– Именно так, – соглашается Кондрат, затем шутливо кривится: – Настолько застарелая зазноба, что я уже устал и от неё самой и её дурацких претензий. Ну, поехали. По машинам, друзья мои, – обращаясь уже ко всем громко командует он, зачем-то поглядев на часы.

Мы залезаем внутрь, ребята – по своим местам, я назад – к девушкам; они теснятся, уступая мне место, я усаживаюсь поудобнее, и сразу же ближайшую из них перетягиваю к себе на колени – так свободнее сидеть остальным и мне приятнее.

Игорь трогает с места и вскоре переполненная машина, управляемая нетрезвым водителем, противно визжа шинами на виражах, мчится по ночным улицам.

Кондрат, полуобернувшись назад, знакомит меня с девушками: Сашенька, Люся и Марина; назвав последнее имя, он легко щипает меня за локоть. Я пытаюсь приглядеться к ней, но в темноте девушек практически не различаю – передо мной мелькают славные девчачьи лица и все. И лишь пару раз подпрыгнув на ухабах, я наконец начинаю соображать, о чем собственно идёт речь.

Одна из девушек – Марина, по кличке «Капитанская дочка» – еще совсем недавно считалась подругой Кондрата, причем неразлучной, и хотя жениться им по возрасту было еще рановато – обоим всего по 17, буквально все – друзья и даже родители обоих – считали их женихом и невестой, настолько они были дружны и близки между собой. Но недавно что-то надломилось в их отношениях, отчего эти самые отношения, как это нередко бывает, моментально разладились, и теперь Кондрат решил уже изрядно поднадоевшую ему подругу спихнуть товарищу, в данном случае мне, с вполне конкретной целью – избавиться от нее.

Лучший способ провести подобное мероприятие – это устроить хорошую пьянку в дружеской компании, чтобы затем, если даже товарищу и не удастся соблазнить твою девушку, все равно всегда бы нашелся повод для «сцен ревности» со словами укора: «А помнишь, ты с ним обнималась... сидела у него на коленях... целовалась... он тебя трогал за задницу...» и так далее – короче, подобные претензии можно предъявлять до бесконечности.

Метод, конечно, нечистоплотный, но зато, согласитесь, весьма действенный.

***

Свою кличку «Капитанская дочка» Маринка, как рассказывал мне когда-то Кондрат, получила благодаря своему отцу, причем уже довольно давно. Отец ее, офицер, служил на расположенной вблизи города радиолокационной станции, но, несмотря на солидную армейскую выслугу, вот уже на протяжении целых десяти лет оставался капитаном безо всякой, как все уже понимали, надежды на повышение.

Машина подпрыгнула на очередной кочке, что прервало ход моих мыслей, и я с беспокойством посмотрел на водителя. Игорь умудрялся на ходу, просунув руку назад, между сидений, щипать девушек за коленки – визг и громкий пьяный хохот разносится из нашей машины далеко по городу, и, отражаясь от домов, возвращается дробным эхом. Тем временем я вновь пытаюсь разглядеть лицо девушки, которую зовут Маринка. Моя будущая «жертва» очень весела, она даже не предполагает, бедненькая, какая «угроза» нависла над ней в моем лице.

Впрочем, не менее веселы были и обе ее подруги – вся честная компания, оказывается, с самого обеда и до сих пор, вплоть до приезда ко мне, угощалась на квартире Кондрата десертным вином, а под конец и вовсе перешла на коньяк. А закусывали, за неимением чего-либо более существенного, яблоками.

В верхней части улицы Танкистов – в нашем городе имеется и такая, – около столовой №6 мы притормаживаем, и «03-я старушка», поскрипывая всеми своими склерозными железяками, сворачивает направо, на грунтовую дорогу, которая перерезает микрорайон частных домов, спускается по ней к пресному озеру, минует кафешку с народным названием «Приют утопленника», катится по насыпной дамбе, отделяющей озеро от речушки Фрумоаса (Красивая), затем сворачивает налево и, въехав на территорию пляжа, останавливается.

Вот мы и на месте; вся компания дружно покидает машину. С тех пор как по решению горисполкома «с целью искоренения в городе разврата» служба благоустройства рьяно принялась за уничтожение двух прекрасных парков, расположенных в центре города, и, надо сказать, достаточно в этом деле преуспела, молодежная ночная жизнь постепенно сместилась сюда, к озеру, которое хотя и было расположено всего в двадцати минутах ходьбы от центра, все же находилось за чертой города. Теперь здесь можно было практически в любое время суток встретить любителей искупаться в озере, а также наблюдать множество гуляющих и целующихся под луной пар; а в местах, несколько удаленных от пляжа, можно было также услышать любовные ахи-охи-вздохи, причём имелся немалый риск споткнуться об чьи-либо ноги, торчащие из-за кустиков.

Однако сегодня, когда мы вышли из машины и осмотрелись на местности, несмотря на достаточно теплую ночь, купающихся в озере мы не обнаружили, и даже влюбленных парочек поблизости не было заметно; нас приветствовал лишь хор сверчков, а из растущих неподалеку высоких, больше чем в рост человека камышей, ему вторило нестройное кваканье лягушек.

Игорь, явно не удовлетворенный этими звуками, вставил кассету в магнитофон автомобиля, включил его на полную мощность и мы тут же устроили вокруг машины что-то наподобие танца африканских аборигенов под музыку великолепных «Роллинг стоунз», ревущую из автомобильных динамиков.

Для того чтобы гармонично вписаться в общий разухабисто-бесшабашный пьяный ритм, я разом опрокинул в себя полстакана коньяка, любезно преподнесенного мне Кондратом – благодатная жидкость приятно защекотала горло, пролилась внутрь, обожгла внутренности и весело побежала по жилам, взбадривая еще не до конца проснувшийся организм. Укусив теплое яблоко, услужливо протянутое Маринкиной рукой, я вдруг явственно ощутил себя участ-

ником известного библейского сюжета – искушение: я был Адамом, вкусившим яблоко от древа познания; Маринка (а она была очень даже неплоха в образе Евы) – тоже откусывает от яблока; на роль змея-искусителя вполне подходил Кондрат (вот только я, не очень внимательно читая Библию, не уверен в том, что змей когда-либо наливал Адаму коньяк).

Вспомнив о своем задании, я хватаю Маринку за руку, и вот мы уже продолжаем танец вдвоем, словно старые знакомые, хотя до сегодняшнего дня друг друга и в глаза не видели.

Внезапно заканчивается кассета, но накал всеобщего веселья настолько высок, что мы, не теряя темпа, продолжаем беситься, отделявая головокружительные па, прыгая и кувыркаясь в песке.

Игорь, самый «мелкий» по размерам в нашей компании мужик, от избытка эмоций подхватывает на руки самую полненькую из девушек – Сашеньку, и несет ее к воде. Все хохочут, а секунду спустя уже Маринка тянет меня за руку с криком: «Бежим купаться».

Кондрат, самый степенный из нас и рассудительный, в это время что-то объясняет Люсе, усердно жестикулируя, а «моя» Маринка кричит: «Дикий пляж, давайте устроим дикий пляж», после чего, ни на кого не обращая внимания, начинает раздеваться. Мне вроде как бы тоже стесняться нечего, но трусы я снимаю лишь после того, когда Маринка остается в чем мать родила. (А ведь линия библейского сюжета – эй-эй! – продолжается).

Мы с ней, взявшись за руки, с дикими воплями несемся к воде, серебристая лунная дорожка бросается нам навстречу, и мы, не разжимая рук, шлепаемся в теплую, как парное молоко воду, разбивая эту дорожку вдребезги на множество отдельных светлячков. Игорь, не дожидаясь, пока Сашенька разденется, затягивает ее в воду прямо в одежде, а мы с Маринкой тем временем отгребаем в сторону, в десяти шагах нас уже практически не видно. Необычайное чувство свободы и восторга охватывает меня и я заключаю Маринку в объятия – ее прохладное, гладкое тело приятно скользит в моих руках. Она откидывает голову назад и, черпая ладонками воду, брызжет ею во все стороны, заливаясь хохотом. Потом внезапно замолкает и, обхватив меня за шею руками, забрасывает свои ноги мне на бедра. Я лихорадочно ищу, куда вставить мое уже напряженное «естество», нахожу, проталкиваю в узкую упругую щелочку, Маринка, помогая мне, откидывается назад, и наши тела сливаются, затем начинают ритмично двигаться.

Пытаясь управлять движениями, Маринка лихо вертит бедрами, отчего тут же выпадает из моих объятий и плюхается головой в воду. Я со смехом вытягиваю партнершу из воды, Маринка отфыркивается, при этом мы, естественно, теряем контакт и все приходится начинать сначала. Мы хохочем, будто это веселая невинная игра, однако обмануть нам никого не удастся: Игорь и Сашенька, заметив наши «водные упражнения», ничуть не стеснясь, направляются к нам. Игорь на ходу сдерживает и пытается повалить Сашеньку на мелководе, но та без труда стряхивает его с себя.

Нам с Маринкой приходится прерваться на самом интересном месте, после чего мы выбираемся из воды на сушу. Прижавшись головой к моему плечу, она шепчет: «Савва, я хочу тебя по-настоящему, слышишь?» – «Слышу», – дрожащим и охрипшим от возбуждения голосом отвечаю я. Держась за руки, мы не оборачиваясь, направляемся к небольшому пролеску, темнеющему в сотне шагов от нас; Игорь с Сашенькой, судя по голосам, вновь увязываются следом, хорошо хоть Кондрата с его партнершей пока не видно и не слышно.

Слишком углубляться в пролесок не имеет смысла, и мы, оторвавшись от преследующей нас пары шагов на пятнадцать-двадцать, валимся в высокую густую траву. Маринка со стоном потягивается, затем, схватив меня за руку, опрокидывает на себя; мы оба горим желанием, и я, раздвинув ей колени, захожу в «боевую» позицию.

Однако что-то в этой позе сразу же показалось мне некомфортным: как бы я Маринкины ноги не задираю, возделенная щелочка все ускользала куда-то вниз и тогда я одним движением, обхватив девушку за талию, перевернул и поставил на колени. Ну, конечно же! Теперь

все было чудесно, щелочка сразу же нашлась и раскрылась мне навстречу – просто по физиологическим своим параметрам Маринка оказалась выраженной «сиповкой» (по народному), то есть ее «дундочка» (так в нашем городе принято называть женский половой орган), природой устроена ближе к попе. Такое расположение женских органов встречается, если судить по моему скромному опыту, сравнительно редко.

Или что-то особенное было в природе и в атмосфере в эту ночь, или же меня попросту обуяло некое любовное сумасшествие, но я, кончив, не мог остановиться и продолжил движения, словно стараясь закрепить достигнутый успех. Отдавшись ощущениям, я ничего не замечал вокруг, и только ладони мои продолжали крепко держаться за Маринкины ягодицы.

– Савва, Савва! – вдруг услышал я её испуганный голос, донесшийся до меня словно издалека. – Смотри-ка, что это там, в кустах?

Я с большим трудом, не теряя при этом контакта с партнершей, выхожу из транса, наши тела еще продолжают трепетать, когда я вдруг слышу в кустах, буквально в нескольких шагах от нас, громкий шорох, затем треск ломаемых веток. Я уже, было, открыл рот, чтобы наорать на Игоря с Кондратом, предполагая, что это они нас дразнят, как вдруг послышались новые звуки: «Тхру, тхру...», – и этот звук неразрывно и органично сплелся с предыдущими.

«Дикие кабаны!» – мелькнула в моей голове тревожная догадка. Не говоря ни слова, я прижал Маринку к земле, а сам стал напряженно всматриваться в окружающую нас темноту. Звуки повторились, теперь уже ближе, и, наконец, в неверном лунном свете, пробивающемся сквозь ветви деревьев и редкий кустарник, я увидел целое семейство диких свиней, находившихся буквально в пяти-шести шагах от нас. Я, даже не успев испугаться, одним движением поднял Маринку на ноги, шепнув ей: «Лезь на дерево». Она, подстегиваемая первобытным страхом, передавшимся нам многотысячелетним опытом предков, тут же ловко вскарабкалась по гладкому стволу и прилепилась к нижней развилке дерева, находившейся чуть выше моего роста. Я же встал за ствол дерева, продолжая наблюдать за кабанами, которые, фыркая и причмокивая, вскапывали своими рылами землю вокруг кустов. Мгновение проходит за мгновением, и вдруг за моей спиной слышится дикий визг, от которого меня вмиг прошибает холодный пот. Решив, что это нас окружают кабаны, я в ужасе оборачиваюсь и вижу... Игоря с Кондратом, несущихся прямо на меня и размахивающих при этом палками – это именно они, мои друзья-товарищи, производили эти ужасные звуки. Еще не придя в себя и не в силах произнести хоть слово от пережитого страха, я, вновь вспомнив о кабанах, оглянулся, и по топоту и треску сучьев понял, что дикие свиньи, испугавшись шума, производимого моими товарищами, бросились наутек.

Проходит секунда, другая, и вдруг мое тело, независимо от моего желания, начинает сотрясать смех; обнаженные, в одних трусах, Игорь и Кондрат останавливаются рядом и тоже, осознав, что лишь минуту назад все мы действительно были в опасности, и что теперь она миновала – кабанов уже не видно и не слышно, – начинают хохотать вместе со мной.

В какое-то мгновение Игорь, смеясь, задирает вверх голову и замечает распластанную на дереве Маринку.

– Ага, вот ты где, бесстыдница! – кричит он возбужденно, подпрыгивая и безуспешно пытаясь ущипнуть девушку за голое тело, – мы тут, понимаешь, подвергаемся смертельному риску, ведь запросто могли погибнуть от клыков диких животных, а ей, видите ли, на дереве захотелось потрахаться. Слезай немедленно, развратница.

Мы продолжаем безудержно ржать, тычем при этом друг в друга пальцами, и вновь покатываемся от хохота. Маринка что-то жалобно бормочет, затем пытается слезть с дерева, но у нее ничего не выходит: она повисает, держась обеими руками за ветку, ноги не достают до земли самую малость, я поддерживаю ее за бедра и шепчу: «прыгай же, отпускай руки», но она, не чувствуя под собой опоры, боится, и продолжает висеть не разжимая рук.

– Прыгай скорее, Маринка, – громко кричит Игорь, – один кабан по случаю здесь задержался. Мы решили принести тебя ему в жертву, пусть он тебя трахнет.

– Закрой рот, Жердь, – ору я на своего товарища, – не то она будет висеть здесь до самого утра.

Несколькими минутами позже, вчетвером, целые и невредимые, мы выходим из леса и направляемся к машине.

Сашенька и Люся, которые к этому времени уже успели одеться и привести себя в порядок, ожидают нас у машины и курят. Маринка, завидев их, вдруг останавливается на полпути, всхлипывает, и, протягивая ко мне в мольбе руки, с жалким выражением на лице шепчет:

– Такое впервые в моей жизни, Савва... Вначале все было так чудесно, а потом этот жестокий облом... – Ее голос вибрирует. – Полюби меня. Прошу тебя. Прямо здесь и сейчас, плевать мне на них. Полюби меня по-настоящему. А то я никогда в жизни больше не захочу, не смогу любить мужчину. – Маринка почти плачет.

Игорь и Кондрат, то ли услышав ее мольбы, то ли поняв что-то по ее тону, деликатно покидают нас. Я беру девушку за руку, мы возвращаемся на несколько десятков шагов назад и подходим к низенькой скамейке, одной из тех, что во множестве разбросаны по всей территории пляжа. Маринка поворачивается ко мне спиной, наклоняется, выпячивая попку, и упирается руками в скамейку...

Со второй минуты примерно она опять начинает всхлипывать, я, приостанавливаясь, спрашиваю: «Что случилось?», но Маринка шепчет:

– Продолжай, я всегда плачу, когда мне хорошо...

Минут через двадцать, когда мы, закончив и быстренько окунувшись в озеро, нисколько не стесняясь своей наготы, подходим в обнимку к машине, Кондрат швыряет нам наши с Маринкой вещи и, не удержавшись, выпаливает:

– Ну вы, блин, и даете!

Он отворачивается и, сильно ссутулившись, уходит прочь.

Мы с Маринкой удивленно глядим друг на друга, затем, ни слова не говоря, начинаем одеваться.

Это потом уже, позднее, после того как мы развезли девушек по домам и остались с Кондратом вдвоем на пустынной улице рядом с моим домом, он ломающимся от волнения голосом спросил:

– Она плакала, когда ты ее...?

– Да, – ответил я.

– Извини, брат Савва, – сказал Кондрат и тяжело вздохнул. – Не сдержался. Я, конечно, хотел, чтобы ты ее... отымел. – Голос его дрогнул. – Но вот уж не думал, что это у вас получится так... легко и быстро.

***

Часы показывали начало третьего, когда я, бесшумно раздевшись, юркнул в постель и тут же услышал сонный голос жены:

– Чего это ты болтаешься среди ночи?

– Да так, душно стало, покурить выходил, – ответил я и вдруг вспомнил, что за прошедшие три часа так ни разу и не закурил.

Август 1980 г.

Катрин

Коктейль «Дамский»

Малиновый ликер – 50 мл.

Красное сухое вино – 200 мл.

Красный портвейн – 50 мл.

Вишневый сироп – 100 гр.

Красное шампанское – 100 мл.

Разлить в бокалы, подавать со льдом.

*Не нажив ни славы, ни пиастров,
промотал я лучшие из лет,
выводя девиц-энтузиасток
из полуподвала в полусвет.
Игорь Губерман*

Глава первая

В один из скучных и тоскливых вечеров, какие нередки у нас в провинции весной, как, впрочем, и в любое другое время года, ко мне в бар заглянул мой старый приятель по имени Яков. Яшка – по национальности горский еврей (так он сам себя называет) предложил на выходные – субботу и воскресенье – съездить вместе в Кишинев, где можно было широко и вольготно погулять и развеяться, он, мол, так регулярно свои выходные проводит.

Дополнительно Яков сообщил, что в ближайшие выходные в столице Молдавии на свою ежегодную встречу соберутся его земляки – горские и бухарские евреи – солидные деловые люди, проживающие в разных концах республики, но при этом не теряющие между собой связи, и в ходе этой встречи ими будут сделаны интересные взаимовыгодные финансовые предложения, так что, возможно, мол, и меня что-нибудь заинтересует. (Мой товарищ, насколько я понимал, имел в виду подпольные швейные цеха и всякие другие, по большей части незаконные производства, так как мы с ним эту тему уже раньше неоднократно обсуждали).

Подумав, я согласился: как раз в ближайшие дни у меня от спекулятивных операций должна была освободиться приличная сумма денег (что-то около пятнадцати тысяч рублей), которую пока не было куда пристроить; да и, кроме того, почему бы действительно не гульнуть, не развлечься в Кишиневе, тем более, я слышал от наших с Яшей общих знакомых, в частности от Туза-музыканта, работавшего вместе со мной в ресторане, что отдыхать в компании с Яшей одно удовольствие.

На тот момент времени по нашим с Яковом текущим взаиморасчетам я задолжал ему что-то около тысячи рублей, вот он, не принимая их от меня и намекнул, что отдых в Кишиневе – за мой счет и, соответственно, – списывается с долга.

Итак, наш отъезд был намечен на пятницу, и я вынужден был на выходные оставить бар на Залико, моего нового напарника (я вам как-нибудь позже расскажу о нем поподробнее. Кстати, он у нас тоже какой-то «горский» – уроженец знаменитого грузинского села Цинандали: помните, одноименная всесоюзно, а может и всемирно известная марка вина? Фамилия его, кстати, оканчивается на «швили» – сынок, значит), а сам, взяв с собой для компании девушку Катерину, присел с бутылкой холодного чешского пива на парапете у входа в бар дожидаться Яшкиного приезда.

Катюша сидит напротив меня, красиво перекинув ногу через ногу и, дымя сигаретой, шутливо строит мне глазки. А я потягиваю пиво, и от нечего делать ее разглядываю; а там, кстати, есть на что посмотреть. Сидим, ждем, изредка словом перемолвимся, да на дорогу посматриваем – Яшка обещал подъехать в четыре пополудни, а теперь на часах было без пяти минут.

– Катюха, как у тебя с прикидом, с тряпками то есть, все нормально? – спрашиваю я девушку просто так, для поддержания разговора. – Имеется, в чем в столичном ресторане блеснуть?

– Есть кое-что, я тут с собой взяла, – улыбнувшись, ответила девушка и похлопала ладошкой по пузатой коричневой сумке из кожаменителя, стоявшей у нее в ногах.

– Ну, ты ведь понимаешь, о чем я, – сказал я извиняющимся тоном. – Нам, мужикам, главное – при штанах и при рубашке, а у вас, дамочек, с этим делом всё гораздо сложнее.

– Надеюсь, я тебе, когда мы окажемся в ресторане, понравлюсь, – сказала Катька, изобразив на своем лице томное выражение.

– Ты мне и так нравишься, – вздохнул я и добавил шутливо, мечтательным тоном: – Я даже думаю, что и без всякой одежды ты не хуже. – И тут же, вновь поглядев на дорогу, озабоченно, сам к себе обращаясь, спросил: – Так, все хорошо, только вот где наш водитель-распорядитель Яшка? Запаздывает, что ли?

Яша ездил только на «жигулях», причем исключительно шестой модели, предпочитая бежевый цвет; при этом больше двух лет он одну машину не держал, считая, что это непрактично, поэтому, когда подходил назначенный срок, он продавал ее и тут же покупал другую, новую.

Вот уже несколько лет он был моим деловым партнером в некоторых взаимовыгодных для нас обоих финансовых сферах деятельности, и, кроме того, постоянным клиентом в моем баре, куда, впрочем, он заходил не ради выпивки, а чтобы присмотреться к девушкам, там отдыхавшим. После чего вступал в дело Туз-музыкант, склоняя понравившихся Яшке девушек составить им компанию. Катерина же, которая оказалась со мной сегодня, к нашей с ним компании подключилась, можно сказать, случайно, а дело было так: Яшка, увидев ее позавчера в баре, сказал, что я могу взять с собой в Кишинев какую-нибудь «телку симпатичную». «А хотя бы и эту», – кивнул он на сидевшую у стойки Катерину. И добавил, что девушка нам нужна не столько для секса, сколько для украшения компании, и это уточнение меня вполне устроило.

Катюшу я обнаружил пару месяцев тому назад в новом спальном микрорайоне Спирина, где живут в основном простые работяги. Внешне она девушка незаурядная – яркая и привлекательная: рост за метр семьдесят, стройная и статная, и мордашка хорошенькая, черты лица правильные, четкие и выразительные. Но особое впечатление, по моему мнению, производили её огромные миндалевидные глаза – явление, весьма редко встречающееся в нашей Молдавии – тут вам всё же не Япония с Кореей, и даже не Татария с Чувашией. Но вот скромностью и хорошими манерами девушка, увы, не отличалась, скорее наоборот. До встречи со мной Катюша активно тусовалась в компании сверстников – ее соучеников, обитавших в том же районе. В прошлом году все эти балбесы, и она в их числе, закончили десятилетку. Их было около десятка – парней и девушек, и всё, чем они занимались, были лишь пьянки да свальный грех – подростки наливались до одури чуть ли не с самого утра сухим домашним вином, которое в Молдавии, как известно каждому, можно приобрести за гроши, а при желании и вовсе задаром, а затем, естественно – «любовь»: матрас, брошенный в угол комнаты и ноги враскорячку. Правда, следует заметить, что этой весёлой компашке еще кое в чем повезло: в их распоряжении была целая трехкомнатная квартира – родители одного из оболтусов уже третий год находились на Севере, деньги зарабатывали.

Даже не планируя поступать в какие-либо вузы или же другие учебные заведения, что было бы вполне естественным для них, и чем, кстати, собирались заняться их более серьезные и сознательные соученики, эта группа недавних школьников вот таким образом, весьма своеобразно, готовилась к грядущим радикальным изменениям в своей судьбе: ребята вот-вот, по достижению 18-летнего возраста должны были отправляться в армию, у девушек выбор тоже был невелик: или замуж кто возьмет, потому что возраст был для этого самый подходящий, или же продолжать веселиться, сколько возможно, но тоже с прицелом на замужество. Идти же учиться какой-либо профессии или, того хуже, отправляться работать на производство за 80—100 рублей в месяц – курам на смех, – еще успеется, так, скорее всего, думали они, – ведь для этого вся жизнь впереди.

Ну, а родители будущих «абитуриентов» на своих чад нарадоваться не могли, будучи уверенными, что раз те отсутствуют дома, значит, где-то денно и нощно коллективно зубрят, к вступительным экзаменам готовятся.

Я случайно попал на эту блахату – решал финансовые дела с Ильей, сыном хозяев этой самой квартиры, за которым числился карточный должок почти в пятьсот рублей. Там, на этой квартире и довелось мне с Катюшей встретиться и познакомиться; не было бы в их распоряжении квартиры, по подвалам бы эти ребяташки шастали – я сам в их возрасте был в точно таком же положении.

После посещения этой квартиры я потом еще целый месяц плевался – когда вспоминал то место, пропитанное запахами алкоголя и секса, но вот Катюшу там, словно розочку, случайно оброненную в навозную кучу, приметил – и запомнил. Во время той встречи я предложил Илье, чтобы в счет долга он отдал мне девочку – но он своей выгоды не понял, сказал: неси ведро вина и она твоя. Такова, видно, была её цена – ведро кислого домашнего вина, или, в переводе на деньги – максимум десятка.

С того дня я всеми возможными способами стал оказывать Катерине знаки внимания – дал девушке понять, что интересуюсь ею, ну не мог я, поймите меня правильно, такую симпатичную девку оставить гнить в том болоте – сердце просто кровью обливалось, как хотелось вытащить ее оттуда и «облагодетельствовать».

Короче, я передал ее подружкам, что хочу видеть Катку у себя в баре. Что вскоре и случилось: в один из последующих дней Катерина заявила в бар; из интереса, я так понимаю. Она была слегка навеселе, одета вульгарно – коротенькая юбочка, безвкусный макияж, сигарета к губе прилеплена, ну и сленг, конечно же, соответствующий – через слово мат. Я сделал девушке легкий взбадривающий коктейль и попросил ее просто посидеть напротив меня. Дождавшись, пока она немного пообвыкнет, осмотрится, я сказал ей:

– Катенька, я хочу предложить тебе оставить компанию твоих друзей, они, надеюсь, тебе уже до смертной скуки надоели.

– И что же дальше? – грубовато спросила она, уставившись в меня затуманенным взором.

– Вливайся в нашу. – Я усмехнулся. – Ничего нового пока предложить не могу – по большому счету придется все то же самое делать – ноги раздвигать, сама понимаешь, весь мир на этом держится. – Я внимательно следил за эмоциями на смазливом Каткином лице. – Только у нас всё будет по-другому – культурно и красиво, здесь ты не встретишь ни насилия, ни эксплуатации, ни хамства, а просто станешь бывать в хороших компаниях, встречаться с приличными людьми, научишься себя правильно вести, а позже, может быть, кого из этого окружения и в женихи себе присмотришь, из тех, разумеется, кто о тебе ничего не знает.

– Окей, Савва, я тебя поняла, а то ведь подумала было, ты мне предложение какое-нибудь пошлое хочешь сделать, – наконец выговорила она.

Куда уж пошлее, подумал я, усмехнувшись, а вслух сказал:

– Ты девка красивая, Катка, и должна этим грамотно пользоваться, вот поэтому-то я тебя и зову. А всякого сброда человеческого женского пола у нас здесь в ресторане и так в излишке

крутится, свиснуть не успеешь, набегут, только их, честно говоря, даже видеть не хочется. Тебя вот, дурочку, жалко, ты со своей внешностью могла бы любую компанию украсить.

Катька поцокала языком, попросила один день – подумать – и покинула бар. С тех пор прошло около двух недель, Катька почти каждый вечер приходила, просиживала со мной и моими друзьями у барной стойки допоздна, знакомилась с людьми, прислушивалась, привыкала, общалась, а затем мы её... отвозили домой, благо удобно было – она жила по соседству с товарищем моим, Кондратом, дома их были напротив. За это время я заметил, что Катька стала одеваться заметно лучше, чем раньше; оказалось, она умела и макияж приличный навести и без мата обходиться, из чего я вскоре сделал вывод, что предыдущее ее поведение – чистая базаровщина, желание, отвергая общепризнанные взгляды и ценности, выделиться из толпы.

Считая, что она моя девушка, мои друзья и знакомые к ней не клеились, я же вел себя по отношению к ней как собака на сене – сам не гам, и другому не дам. А дело было в том, что я себе даже не представлял, как у нас с Катюшей интимные отношения сложатся – всё это время, пока мы с ней общались, мне мешал запах ее тела: особый, резко выраженный, мускусный. Это было, пожалуй, единственной преградой, мешавшей нашему сближению. И из-за этого, наверное, она все еще не была принята в нашу компанию окончательно и не заняла в ней достойного места: чувство эгоизма мешало мне безропотно пустить ее в наш круг, а самому, отбросив даже мысль о близости с ней, просто отстраниться. При этом Катюша понимала, конечно, что нравится мне, и ловко пользовалась этим: своим дружкам-босьякам, будучи в их компании, давала легко, играючи, а мне пыталась мозги крутить – я, мол, девушка гордая, не подступишься. Например, позавчера вечером, когда мы с ней остались в баре вдвоем, она спросила меня кокетливо: «Ну что, Савва, сердцем чувствую, ты мне сегодня хочешь сказать что-то важное, касающееся нас двоих?» При этом она глядела на меня одновременно вопросительно и снисходительно, сверху вниз, пользуясь преимуществом своего роста, да еще будучи на довольно высоком каблуке. Может, она думала, наивная, что я ей в любви признаться собираюсь?

Я тоже ее оглядел, только снизу доверху – да уж, не отымешь, хороша! Вид у нее, правда, был несколько вульгарный, а я, признаться, этого не люблю. Но, конечно же, решил, что возьму ее с собой в Кишинев. Ведь Яшка говорил просто о красивой телке, и я отбросил все свои ощущения и сомнения – не невесту же себе выбираю!

Это у нас, мужиков, помыслы сплошь эгоистические – как с телкой в постель, а порой даже и без того, только подумаем, помечтаем об этом, – тут же и примеряем ее так и этак, словно жениться на ней собираемся. Неправильный это, я вам скажу, братцы, подход, собственнический. Вслух же я тогда сказал Катьке простенький комплимент, а затем спросил небрежно: «Катенька, не желаешь в эти выходные прокатиться вместе со мной в Кишинев, отдохнуть в компании приличных и серьезных людей?». Катька против обыкновения выслушала мое предложение серьезно и внимательно, спросила только, когда ей нужно быть готовой. Я ответил и вдруг, неожиданно для самого себя, достал из кармана пачку денег и, отстегнув три сотни рублей четвертаками, протянул ей и небрежно сказал: «На вот, возьми, купи себе что-нибудь на свой вкус, платье там, туфли, косметику». Не знаю, что это на меня нашло, обычно я девкам денег не даю, чтобы тем самым их не портить и, главное, не приучать, а тут дал, и, наверное, потому, что накануне вечером приличную сумму в карты выиграл, – знал, не отдай я их сегодня, следующим вечером они у меня могли уйти туда, откуда пришли.

Глава вторая

Катька, докурив сигарету, щелчком отправила окурки в сторону дороги, вернув меня тем самым к реальности. Проводив полет «бычка» взглядом, мы одновременно увидели остано-

вившийся у обочины бежевый «жигуль». Встав, мы отправились к машине, весело поздоровались с Яшкой – он был в машине один – забросили внутрь сумки, погрузились сами и Яшка взял курс на Кишинев. Дорогой мы много шутили, смеялись, даже пели песни, и не заметили, как минули два с лишним часа пути до столицы Молдавии. Машина, проехав по центральной улице Кишинева, подкатила к одноименной гостинице под названием «Кишинэу».

Я с удовольствием отметил для себя, что Яшке Катюша явно понравилась и, когда она из машины выходила, он даже, как истинный джентльмен, подал ей руку, а потом и дальше продолжал за ней красиво ухаживать.

Когда мы вошли в гостиничное фойе, Яшка на ходу отдал швейцару ключи от машины, сопроводив их трехрублевой купюрой.

– Это еще зачем? – удивленно спросил я.

– Сейчас подъедет механик из автосервиса, заберет машину и до завтрашнего полудня наведет в ней полный порядок – она пройдет все необходимое обслуживание, – пояснил он, и я понимающе закивал.

Нет, мы не подошли к окошку администратора, как делают все нормальные люди, а миновав фойе, отправились напрямик к лифту, который вознес нас на третий этаж. Попутно я обратил внимание на то, что все встреченные нами работники гостиницы, начиная со швейцара в дверях и заканчивая дежурной по этажу и горничной, едва завидев Яшку, радостно ему улыбались и вежливо здоровались. Из чего я сделал вывод, что он здесь свой человек, а вскоре выяснилось, что два номера полулюкса на 3 этаже – 306 и 307 – были постоянно, то есть круглогодично забронированы за нашим другом, независимо от того, находился он в гостинице или нет.

Мы с Яшкой удалились в один номер, второй любезно предоставив в распоряжение Катюши, чтобы она могла привести себя в порядок. На первый вечер у нас в Кишиневе не было предусмотрено какой-либо конкретной программы, поэтому я, расположившись с комфортом на диване, уставился в телевизор, а Яшка, извинившись за занятость, положил перед собой небольшой блокнот и засел за телефон. Я из любопытства, сделав вид, что хочу напиться, встал и, подойдя к столику, где стояли графин и стаканы, мельком заглянул в его блокнот. Там в столбик были записаны какие-то цифры – мне даже показалось, что это шпионский шифр. Затем я перевел свой взгляд на телефонную тумбочку и чуть не расхохотался – там под стеклом лежал другой список – телефоны и имена под порядковыми номерами, все почему-то женские и количеством не менее полусотни. Яшка, поймав мой взгляд, хитро, искоса поглядел на меня и оба мы рассмеялись, после чего он открыл секрет: оказалось, я угадал, это действительно был шифр – открой чужой человек или даже жена блокнот, порядковые номера ничего ей не дадут – имен-то нет.

Яков сделал несколько звонков, причем, судя по манере разговора, общался он исключительно с женщинами. По окончании этого занятия мы с ним по очереди приняли душ, после чего решили спуститься в гостиничный ресторан поужинать.

– Ну-ка схожу я Катюку заберу, – сказал я Яшке, открывая дверь нашего номера. – А то ее что-то не видать, спать завалилась, что ли.

Подойдя к двери соседнего номера, я постучал, но, не услышав ответа, распахнул ее – и в следующую секунду мой рот поневоле раскрылся, и я даже отступил на шаг – из номера вышла, нет, выплыла шикарная дама в длинном, почти до пят, красного бархата вечернем платье с красивым вырезом декольте и в черных туфлях на высоченных каблуках – ну, прямо королева бала, и только.

– Бог мой, кто это?! – только и смог вымолвить я.

С трудом я узнал в этой даме нашу Катюшу – скромную девушку из рабочего микрорайона Спирина. Когда мы с ней минуту спустя вошли в соседний номер, Яшка поднял голову и телефонная трубка едва не выпала из его руки – он был потрясен увиденным не меньше

моего. И то сказать: наша Катерина в своем новом наряде буквально преобразилась – перед нами теперь была томная, зажигательно красивая незнакомка, которая поразила нас мгновенно приобретенными (или это в ней до поры до времени попросту дремало?) манерностью и шармом, и теперь, победно глядя на нас, наслаждалась видом наших растерянных рож, а мы позорно молчали, словно языки проглотили. Катерина за это время также успела сделать себе макияж – на удивление приличный, и теперь перед нами стояла, скажу без преувеличения, ослепительно красивая мадам.

Катрин (с этой минуты мне захотелось ее называть именно так), проплыла между нами и грациозно присела на стул, стоящий посреди комнаты – девушка явно давала нам возможность полюбоваться ею.

У меня даже ладони вспотели, а это происходит в чрезвычайно редких случаях и только при больших стрессах.

– А, Яша, что скажешь? Сногшибательная метаморфоза, тебе не кажется? – вымолвил наконец я.

– Мне кажется, Савва, мне не просто кажется, я просто уверен в этом. Только мне почему-то еще кажется, что мы с тобой теперь недостойны даже рядом находиться с такой дамой.

– Успокойтесь, мальчики, и не надо преувеличивать, – произнесла Катрин, слегка покраснев, у нее теперь даже тембр голоса поменялся. – Не перехвалите меня, а то загоржусь.

Яшка, несколькими минутами позднее все же справился с собой, извинился перед нами и, вернувшись к телефону, сделал еще один звонок, затем повернулся к нам с Катериной и спросил:

– Катенька и Савва, вы не будете против, если в ресторане к нам присоединится один нужный мне товарищ – он режиссер киностудии «Молдова-фильм»?

Мы с Катюшей, естественно, не возражали, и через несколько минут мы все вместе спустились на лифте вниз. Вход в общий зал ресторана располагался от гостиничного входа налево, мы же, ведомые Яковым, свернули направо, под низкую арку, над которой горело название «Крама». Это, как я уже знал, был филиал ресторана, представлявший собой целый комплекс отдельных кабинетов, расположенных анфиладой.

Привыкший к большим и шумным ресторанным залам, я спросил Якова:

– Скажи, друг мой, а в основном зале нам не будет удобнее?

– Думаю, вам с Катюшей здесь понравится, – уверенно ответил он, шагнув под первую арку. – Интим, знаешь ли, хорош тем, что здесь можно спокойно посидеть с друзьями, и никто за твой столик без разрешения присаживается не станет, и даму твою за руку на танец тащить не будет.

– Ну что же, тогда – вперед, – устремляясь за ним, усмехнулся я, живо представив себе картину, расписанную Яшкой.

Пройдя по узкому подземному коридору, мы попали в анфиладу небольших помещений – гротов, вырубленных прямо в камне под землей. Стилизованные под старину, эти помещения, превращенные в кабинеты, каждый из которых со своими неповторимыми особенностями, отличавшими его от других, имели, на наш взгляд, весьма уютный вид, в каждом из них было всего несколько столиков, и играл небольшой, из двух-трех человек, оркестрик.

Я не обману вас, если скажу, что внимание всех встреченных нами мужиков во все время нашего следования к одному из последних гротов, было приковано к нашей прекрасной даме: одни восторгались её внешностью тихими вздохами, другие – восторженными взглядами, а кое-кто – из тех, кто попьаннее – и шумными возгласами; даже встреченные нами женщины моментально уступали Катерине дорогу, словно отдавая дань ее превосходству. Я секундошку пофантазировал – наш приход в ресторан мне представился выходом королевы к своим подданным, никак не меньше.

В слабо освещенном гроте, в который мы вошли, по всем его четырем углам висели, подвешенные на цепях к потолку, древнего вида масляные, в настоящий момент горящие и при этом слегка коптящие светильники, похожие на большие чаши. Внутри помещения мы обнаружили четыре столика, два из которых оказались незанятыми. Оркестр, состоявший всего из трех человек, при нашем появлении тут же заиграл щемящую задушевную мелодию, и я понял, что музыканты, увидев Яшу, решили сделать ему приятное – исполнялась еврейская «Хава Нагила». Чуть позднее я узнал, что скрипачом в этом трио звезд – и это, поверьте, не преувеличение, был Игнат – известный виртуоз, один из лучших молдавских, а может и советских музыкантов-исполнителей, по происхождению цыган. Его скрипку, то есть скрипичную музыку в его исполнении, слышали практически все советские граждане в таких известных фильмах как «Лэутары» и «Табор уходит в небо», даже самого исполнителя видели, а вот в лицо его, как, впрочем, и прочих музыкантов, скорее всего не запомнили.

Под следующую еврейскую мелодию юркий худощавый официант неопределенного возраста практически незаметно накрыл перед нами стол и под конец водрузил посередине бутылку марочного коньяка.

– Катенька, ты коньяк пить будешь, или заказать тебе шампанского? – поинтересовался я.

– Что вы будете то и я, – просто ответила девушка.

Яша взял в руку бутылку, и в эту самую минуту к столу подошел новый человек – его друг, режиссер. Яков радостно приветствовал его и тут же представил нам – «Вольдемар», затем стал разливать коньяк по рюмкам, а Вольдемар, обменявшись со мной рукопожатием, чинно поцеловал ручку Катюше, после чего присел на свободный стул возле нее и с ходу стал что-то нашептывать девушке, склонившись к самому ее уху, – не сомневаюсь, что это были одни лишь комплименты.

– Уважаемый Вольдемар, – сказал я, заметив, что первый же его монолог до неприличия затянулся. – Я надеюсь, вы не собираетесь приглашать нашу девушку на главную роль в своем новом фильме, как это заведено у вас, режиссеров, потому что, смею вас заверить, она у нас и так на первых ролях.

Яшка, бросив на меня удивленный взгляд, усмехнулся, а Вольдемар повернулся ко мне и сказал манерно красиво поставленным баритоном:

– Я, уважаемый Савва, да будет вам известно, снимаю только документальное кино.

– А вот в этом мы с вами схожи, – подмигнул я Яшке. – Мы тоже по жизни большие реалисты. Поэтому-то я и беспокоюсь за девушку.

После чего все понимающе засмеялись; Вольдемар, извинившись, оставил Катюшу в покое, и мы вчетвером завели общий разговор на самые разнообразные темы.

Вечер протекал мирно, весело и благопристойно, мы выпивали, закусывали, иногда по очереди танцевали с нашей единственной дамой, и, наверное, человеку со стороны было любопытно наблюдать, как трое мужчин попеременно приглашают на танец девушку, которая была выше любого из своих кавалеров.

Вольдемар, несмотря на свою показную высокомерность, оказался весьма интересным типом, он беспрерывно рассказывал всевозможные истории, сплетни и байки из частной жизни сотрудников и актеров киностудии «Молдова-фильм» и местных театров; они перемежались долгими прочувственными кавказскими тостами в исполнении Якова.

В перерывах между тостами я с интересом осматривался по сторонам и вскоре обратил внимание на молодого, не старше тридцати, человека, сидевшего за одним из соседних столиков. Мужчина так и ерзал на своем месте, будто чувствовал себя здесь неуютно. При этом своим поведением он явно волновал свою спутницу, довольно симпатичную даму.

Заиграла очередная мелодия, Вольдемар встал и пригласил Катюшу на танец. Она с грациозностью леди выплыла из-за стола и отправилась танцевать; Вольдемар так прижимался к ней, что я в какое-то мгновение даже почувствовал укол ревности, чего раньше за собой

по отношению к Катрин никогда не замечал. Когда танец, наконец, закончился, и Катрин вернули на место, я успокоенно вздохнул.

Заиграла следующая мелодия – и вновь, судя по мотиву, на еврейскую тему, и тогда беспокойный мужчина, сидевший за соседним столиком, встал и решительно направился к нам.

– Добрый вечер, – сказал он, обращаясь к Яше (каким-то образом он вычислил, что тот среди нас главный). – Разрешите представиться: я офицер КГБ, капитан, – рука молодого человека потянулась к внутреннему карману пиджака, но Яша небрежно махнул рукой:

– Не надо, мы вам верим, товарищ.

Молодой человек все же показал удостоверение и действительно оказался капитаном госбезопасности – я прочел написанные на корочке имя и звание медленно и вслух.

– Послушайте, это ведь неслыханно – все время заказывать еврейскую музыку, – поочередно оглядывая нас, сказал он почему-то обиженным тоном.

– Разве мы заказывали какую-нибудь музыку? – манерно улыбнувшись спросил Яша, затем деланно – удивленно поглядел на нас и развел руками.

– Мы даже с места еще не вставали, как вошли, – подтвердил я.

– Эта музыка не должна звучать в нашей стране, она здесь под запретом, а играют ее в основном в Израиле, государстве, где проживают наши идейные противники. – Наш оппонент, казалось, был в восторге от собственных слов.

– Извините, я в музыке не разбираюсь, – вновь улыбнулся Яша (в скобках замечу: недавний выпускник театрального института, а также певец, обладатель довольно приличного голоса!), но с удовольствием слушаю любые произведения, которые исполняют музыканты, а они здесь, говорят, высокие профессионалы. Кстати, я только что собирался подарить им два рубля. – Яшка демонстративно стал рыться в карманах. – Если вы, товарищ капитан, конечно, не возражаете. (Несколько позже я узнал, что, бывая здесь, Яша всегда оставлял музыкантам четвертак – 25 рублей).

Комитетчик еще раз оглядел всех нас по очереди долгим оценивающим взглядом, затем извинился и отправился к музыкантам – разбираться теперь уже с ними. Те, нисколько не растерявшись, популярно объяснили ему, что все, что он слышал в этот вечер, относится к музыке румынских цыган, и пришлось разочарованному человеку из «органов» отправиться на место и дожидать свой антрекот без всякого аппетита, потому что следующая же прозвучавшая мелодия вновь оказалась еврейской – зажигательной «семь-сорок».

«Ну вот, опять происки израильских агрессоров», – подумал, наверное, комитетчик, давясь куском остывшей говядины.

После ужина, который я здесь описывать не стану по той простой причине, что сегодня еще не обедал, мы отправились обратно в номера, и Катерину по-прежнему сопровождали восторженные взгляды всех тех, в чье поле зрения она попадала.

Когда мы вышли из коридора в фойе, нас со своего поста окликнул швейцар и «передал» Яше «из рук в руки» трех дам, одетых, несмотря на конец марта, в легкие меховые полушубки. Правда, иногда по вечерам, включая и сегодняшний, у нас в Молдавии бывает еще довольно прохладно, а дамочки эти, простите за игру слов, очень напоминали тех, что «работают на улице», то есть проституток.

Мы поднялись наверх, в свои номера, двумя партиями – потому, что не смогли за один раз в лифте уместиться. Когда все дамочки, включая Катюшу, вошли в комнаты, Яша отозвал меня в сторону:

– Эти девочки, Савва, приглашены по «культурной программе», – сказал он, улыбнувшись. – Две занимаются сугубо минетом, а третья, та, что постарше, – предназначена исключительно для секса постельного.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил его я, усмехнувшись. – Расклад несложный и даже мне, рядовому обывателю, понятен.

Сказав это, я имел в виду, что мне не обязательно было все это объяснять: как только я увидел наших «гостей», сразу понял, кто есть кто: две дамочки, то есть те, что были помоложе (в пределах 25 лет), внешне были малопривлекательны и на большее, кроме как для минета, негодились. (Благодаря моему беспокойному образу жизни мне нередко приходится иметь дело с простыми любительницами этого дела, но порой бывают встречи и с профессионалками, и при этом я всегда со смехом вспоминаю, как некоторые мои знакомые ребята говорят: «А я вот возьму и женюсь на некрасивой, зато она мне, в благодарность за это, по гроб жизни верна будет»). Это я к тому сейчас говорю, что обе эти мадам были, уж извините, замужними женщинами и наверняка прекрасными жёнами, изредка «подрабатывающими» сверхурочно, как вот сегодня. Третья же, та, что постарше, была интересной блондинкой на вид лет 33 – 35, с хорошей фигурой и ухоженным лицом. Несколько позже Яков, улучив свободную минутку, рассказал мне историю этой женщины. Злая судьба вынудила ее стать проституткой: муж этой дамочки, режиссер все той же киностудии «Молдова-фильм», еще совсем недавно блистательный и респектабельный, угодил за какие-то свои финансовые манипуляции в тюрьму, да еще умудрился при этом влететь по статье «с полной конфискацией имущества». Потом, уже находясь в зоне, его угораздило проигратся в карты на сумму в пять тысяч рублей, которых у него, естественно, не было. Таким образом, его жена по решению суда в один день распростилась с кооперативной квартирой и машиной, и теперь, ютясь вместе с 10-летней дочерью временно у подруги чуть ли не в чулане, в дополнение ко всему оказалась перед выбором: либо уйти с ребенком, куда глаза глядят, либо срочно отрабатывать долг мужа, так как из зоны от него пришла слезная «малява», в которой он просит к такому-то дню передать эти пять штук – (пять тысяч рублей) через такого-то, а сроку-то – смех – два дня.

И вот его благоверная берет займы эту сумму у знакомых, причем под проценты, затем передает их с помощью посредника (и тоже не бесплатно) на зону, а затем пускает свое тело на продажу (правда, в определенном кругу), чтобы эти самые деньги каким-то образом вернуть. А все ради того, чтобы муженьку в зоне не пришлось рассчитываться за долг собственной задницей. (А стоила ли, спрашивается, эта самая задница таких жертв с ее стороны?). Лично мне было весьма грустно слышать эту историю.

Яшка, когда я его спросил, зачем нам четыре женщины на троих, рассмеялся и сказал, что Катька сегодня в их команде будет запасной – мы ведь не знаем ее возможностей и способностей, и я кивнул, согласившись – не знаем, так как сексуальных контактов никто из нас с ней не имел.

Вечер протекал прилично, даже, можно сказать, благопристойно: Яшка вместе с женой находившегося в тюрьме режиссера, которую звали Полина, удалился в спальню, Вольдемар с одной из девиц уединился в другом номере, а мы со второй девицей и с Катюшей, расположившись на диване в первой комнате, стали смотреть по телику поздние телепередачи.

А еще через часок все мы на короткое время собрались в нашем номере, после чего девицы, одевшись, уехали на лифте вниз, где швейцар поймал для них такси и отправил восвояси, – все это я с интересом наблюдал из окна нашего номера. Затем ушел Вольдемар, а вскоре и Яшка, пожелав нам спокойной ночи, отправился в соседний номер спать, после чего мы с Катериной остались вдвоем. Все то, что я пережил сегодня рядом с ней – удивление, затем восхищение, потом восторг и даже уколы ревности – все это заставило меня взглянуть на девушку несколько по другому: мне вновь страстно захотелось Катюшу, как в тот самый день, когда я впервые увидел ее.

Глава третья

Катерина, которая, казалось, целый день меня не замечала, вдруг мило улыбнулась, подошла, села мне на колени и прильнула, крепко обняв за шею:

– Савва, милый, сегодня у нас был такой чудесный вечер. Почему ты уделяешь мне так мало внимания?

– Я ревную тебя к Яшке и Вольдемару, и ко всем другим, которые пялятся на тебя, – сказал я честно.

– Ну и зря, потому что никто кроме тебя мне не нужен, – сказала Катька, раскачиваясь вместе со мной на диванчике так, что я почувствовал, что еще мгновение, и мы опрокинемся. Дальше произошло то, что впоследствии мне трудно было объяснить даже себе самому: я вскочил, схватил Катьку в охапку, на ходу она потеряла свои туфли, затем настала очередь платья, я отбросил его в сторону и потащил девушку, оставшуюся в одном белье, в ванную комнату. Пустив струю воды, я раздел Катьку догола, разделся сам и полез вместе с ней в ванную, где отрегулировал воду и стал яростно натирать Катюшу невесть откуда взявшимися здесь мылом и мочалкой.

– Ты с ума сошел! – наконец отреагировала она на мои действия. Недоумевающая Катька, вначале принявшая мои действия за шутку, пыталась брыкаться, непривычная, видимо, к такому обращению с ней кавалеров, но я довел-таки свое дело до конца, с остервенением намыливая ее великолепное юное тело до тех пор, пока оно под моими руками не стало хрустеть.

– Сейчас, Катенька, сейчас, – шептал я одновременно нежно и страстно, затем схватил ее – длинную и гибкую – на руки, и понес – влажную и желанную – в спальню. Вдыхая по пути ее запахи, я не почувствовал ничего постороннего, не считая ароматов чистого тела и шампуня, поэтому, уронив ее на постель, немедленно набросился на девушку со всем пылом давно сдерживаемой страсти.

Минут через десять обоюдных энергичных движений я все же уловил от своей партнерши все тот же самый характерный мускусный запах, который так раздражал меня прежде, но теперь уже ничто не могло помешать мне закончить любовный акт с получением наивысшего наслаждения.

Потом, позже, когда мы с ней отдыхали укрытые одеялом в постели и Катерина сказала мне, сонно улыбаясь: «Ты напал на меня, словно сумасшедший и любил так долго – это было ужасно приятно», я почувствовал себя на вершине блаженства. После целой кучи взаимных комплиментов и объятий мы уснули.

Глава четвертая

Проснувшись около десяти утра и не обнаружив Яшку в номере, мы не стали его искать, а, резонно полагая, что рано или поздно он найдется сам, отправились завтракать, причем Катрин не удержалась и надела к завтраку вчерашнее вечернее платье, в чем я ей не препятствовал.

Спустившись вниз на полуэтаж, я толкнул дверь буфета, на которой, правда, висела табличка «спецобслуживание», но меня, признаться, уже давно подобные таблички не останавливают, и мы оказались внутри. Все столики в буфете оказались занятыми молодыми людьми кавказской национальности, одетыми в одинаковые спортивные костюмы, – они завтракали и при этом громко, гортанными голосами переговаривались между собой. Бармен, увидев нас, развел руками в знак извинения, и сказал: «Мест нет».

Мы с Катюшей уже было развернулись, чтобы удалиться, но тут вдруг присутствующие стали нас дружно просить остаться и не уходить – глаза молодых людей, обращенные на Катерину, буквально горели от восхищения и восторга. В нерешительности мы замерли у дверей, и тогда из-за одного из столиков встал пожилой мужчина, наверное, тренер, который подошел к нам и попросил нас присесть за свободный столик и спокойно позавтракать. Мы огляделись по сторонам, но такового не обнаружили. Молодые люди мигом освободили один из столиков, и, потеснив своих товарищей, пересели за соседние. Через пару минут мы получили свой заказ,

а спортсмены тем временем стали покидать помещение, каждый из которых, обязательно проходя мимо нашего столика, восхищенно цокал языком.

Бармен, принеся нам за столик кофе, шепнул, что эти ребята – игроки футбольной команды «Торпедо» Кутаиси, у которых сегодня должна состояться игра со столичным клубом «Нистру». Когда мы с Катюшей, позавтракав, вышли из буфета, вдоль стен в полном составе выстроились футболисты-торпедовцы, образуя, таким образом, живой коридор. Я подумал, что они кого-то ждут, и не ошибся: они ждали нас, вернее Катиного выхода, а увидев ее, вся команда в едином порыве издала восхищенный вздох, а некоторые даже захлопали в ладоши. Катрин с непревзойденной грациозностью прошла сквозь этот почетный караул, затем, ожидая меня, полуобернувшись, в то время как я, не удержавшись, сказал громко, во всеуслышание:

– Спасибо, ребята. Желаю вам красивой игры, ну и, конечно же, проиграть. (Я, естественно, «болел» за своих).

С этими словами мы удалились. Коридорная дежурная, когда мы возвратились в наш номер, окликнула меня и передала записку, текст которой был ей передан по телефону. В этой записке Яшка извещал нас, что в данный момент находится на встрече всех горских евреев Молдавии, о которой он упоминал вчера, и ждет нас там же к двум часам дня на торжественный обед, – название, адрес и телефон ресторана прилагаются.

Итак, до назначенной встречи у нас оставалось еще несколько часов, которыми мы собирались распорядиться по нашему усмотрению. В своем номере мы с Катюшей переоделись в обычную, непарадную одежду и вышли на улицу. Поймав у гостиницы такси, мы поехали в район Рышкановки, к магазину «Каштан». Я нечасто навещаю этот единственный в Молдавии сертификатный магазин, так как сюда сравнительно редко завозятся новые товары, или, правильнее будет сказать, я не имел тут нужных знакомств, а без них, соответственно, не мог рассчитывать что-то дельное и нужное для себя приобрести.

Добравшись до места, мы обнаружили у входных дверей толпу в сотню-полторы человек, которые жались к стенам магазина и друг к другу, спасаясь от свежего, если не сказать пронизывающего ветра, – место было слишком открытое. Прислушавшись к разговорам окружающих я понял что сегодня ожидается «выброс» в продажу партии новых товаров, так что можно было сказать, что мы удачно сюда попали. Народ здесь собрался исключительно приличный и воспитанный; одежда их, естественно, тоже была на уровне. Катюша была впервые в таком окружении; она не уставала с интересом оглядываться по сторонам.

Так как все очереди в Союзе (за редким исключением) существуют по принципу «кто сильнее, тот и первый», мы с Катюшей, когда толпа, нетерпеливо поглядывая на часы, в беспорядке зашевелилась, применив таранный прием, прорвались к дверям и оказались в первых рядах. Еще через несколько минут ожидания, когда часовая стрелка добралась до десяти, дверь отворилась и граждане, демонстрируя на входе сертификаты, буквально ворвался внутрь. (Тех же, кто не имел их в наличии, в магазин попросту не пускали).

Оказавшись внутри, я оставил Катюшку восторженно оглядываться по сторонам, осматривая богато оформленные витрины, а сам ускоренным шагом с видом бывшего покупателя пошел вдоль прилавков, то и дело снимая с них некоторые вещи. Дело в том, что мне довольно часто приходится бывать в московских сертификатных магазинах этой же торговой сети под названием «Березка» (не путать с валютными «березками», где товары отпускают за доллары и исключительно иностранцам), поэтому мне были хорошо знакомы почти все представленные здесь товары, а размеры всех систем – европейской и американской, – я знал назубок, что немаловажно, когда оказываешься в подобной ситуации: едва начнешь примерять на себя какую-нибудь тряпку или обувь, а она не подходит – глядь, другие размеры уже расхватили хапуги покупатели, причем без всякой примерки.

На этот раз приличных товаров в магазине оказалось на удивление много, и я успел набрать в руки целую кучу вещей еще до того, как нахлынувшая толпа стала буквально «сметать» с полок все оставшееся.

В этот самый момент меня среди полок с товарами обнаружила возбужденная Катюша. Глаза ее, от природы совсем не маленькие, увеличились в эти минуты вдвое против обычного, так, что я даже забеспокоился – с чего бы это: от давки ли на входе, или от обилия никогда прежде не виденных ею товаров.

Катрин молчала, но при этом так жалобно и просительно глядела на меня, что тронула мое сердце, и я кивнул ей поощрительно – давай, действуй! Мне пришлось пойти вместе с Катей, и брать вещи, ориентируясь на ее рост и объемы визуально, хватая их, как говорится «на глазок», причем, как вскоре выяснилось, я при этом ни разу не ошибся! – все нами купленное ей подошло.

Катюшины покупки в итоге потянули на тысячу пятьсот чеков, то есть на целых три тысячи рублей по спекулятивному рыночному курсу.

– Милый, а у нас хватит денег, чтобы за это всё расплатиться? – спросила она с невинной улыбкой, а мне особенно понравились слова «милый» и «у нас».

– У нас денег хватит, – уверенно ответил я, и Катька зашептала мне на ухо: «Я отдам, я верну тебе эти деньги, мой милый, мой дорогой Савва!» Мог ли я ей отказать, даже если бы она не сказала этого?

Коробки с накупленным барахлом – её и моим – едва разместились в багажнике и салоне такси, но счастливые Катькины глаза того стоили. Пока она разбирала все это в гостиничном номере, подошло время отправляться в ресторан, где Яшка ожидал нас, находясь в кругу своих земляков. Катька на мою просьбу поторопиться с сожалением оторвалась от разглядывания обновок, примерила кое-что из них и спросила меня:

– А можно мне пойти вот в этом?

Я улыбнулся и сказал:

– Конечно, можно. Этим, я думаю, ты шокируешь Яшку уже во второй раз за последние два дня.

Счастливая Катька, совсем по-бабьи махнув рукой, засобиравшись в ресторан. У нее, как я заметил, было как минимум одно, несомненно ценное качество – мгновенно собираться, если в этом была необходимость. Уже через полчаса такси доставило нас до места – нужный нам ресторанчик находился на окраине города. Входная дверь, естественно, была заперта, на ней мы, подойдя, обнаружили столь привычную для подобных мест вывеску «Спецобслуживание», но не успели мы оглядеться по сторонам, как к нам тут же подошел непонятно откуда вынырнувший убежденный сединой администратор, который сказал с улыбкой:

– У меня есть категорическое указание пропустить одну очень красивую даму с молодым человеком, который будет ее сопровождать. – Он, поймав мой укоризненный взгляд, тут же поправился: – Вы извините, мне именно так и сказали: сопровождать.

Конечно, мне не понравилась формулировка «сопровождать», но я не обиделся и сказал:

– Что вы, что вы, мне вообще нравится эта роль – быть бесплатным – (ой ли!) – приложением к журналу «Фемей Молдовой» («Женщина Молдавии»).

Катрин и администратор рассмеялись, после чего мы вошли внутрь.

Официальная часть этого специфического (воротил воровского и теневого бизнеса) собрания, судя по всему, только что завершилась: я понял это по Яшкиному взъерошенному виду и множеству гуляющих в зале попарно и мирно беседующим между собой солидных мужчин. Тут были молодые еще люди, и не очень, худые и поджарые, словно гончие, – наш Яшка, например, выглядел именно так, – были нормального телосложения и, конечно, в достаточном количестве тут имелись пузатые. Все присутствующие были черноволосыми кавказцами (то есть блондины отсутствовали), некоторые с заметной сединой, вот только количество растительно-

сти на их головах было разным: от роскошных кудрей до плеч – таких здесь было всего двое, и до практически лысых. С лиц этих людей еще не сошла озабоченность произошедшего тут действия, но, судя по ароматам, уже витающим в воздухе, здесь очень скоро должно было наступить время застолья.

– Мы с тобой, Катрин, подросли как нельзя кстати, – сказал я, прохаживаясь с девушкой под руку вдоль длинного, уже полностью сервированного стола, и давая необходимые пояснения на то и дело возникавшие у нее вопросы.

Официанты соорудили его на кавказский манер, отчего у меня немедленно создалось ощущение, что мы каким-то чудесным образом перенеслись на Кавказ – так все на столах точно тому соответствовало. Свою короткую – полугодовую – армейскую службу я проходил в Азербайджане и успел полюбить тамошние чайханы; потом еще около полутора месяцев я провел в Тбилиси, в госпитале, и за это время мне посчастливилось обойти половину местных ресторанов, – на всю жизнь мне понравилась кавказская, вернее, грузинская кухня. И вот теперь я имел удовольствие лицезреть все мои любимые блюда этой кухни здесь, в столице Молдавии. Все на столах было свежим и натуральным, как то: икорка – черная и красная в хрустальных кюветах; мясо на гриле – баранина и говядина нескольких видов, истекающие соком и жирком; дразняще пахнущие чесноком кебабы и домашние колбасы, бастурма; птица: курица, индейка – целиком, кусками и мелко порубленная, жареная, вареная, запеченная, в паштетах и залитая соусом; рыба – жареная, вареная, соленая, маринованная, копченая и заливная (без названий); самые разнообразные салаты без числа, непривычные вкусу европейца соусы с добавлением в них грецких орехов, и, конечно же, целые горы овощей: свежих – целых, резанных, а также жареных и тушеных; вороха зелени, местной и завозной, необыкновенно пахнущей, самые разнообразные фрукты всех существующих расцветок со всех концов нашей необъятной родины; хлеб обычный – черный и белый, а также лаваш и, конечно же, столь любимый мною хачапури, молдавская вертута и много всего другого прочего, а совсем не то, что подается обычно в ресторанах в разделе «кавказская кухня» и сохраняет от неё, в лучшем случае, одно название. Да что там, и с названиями в наших краях нередко случаются казусные неувязочки – вы вспомните только, как в меню различных ресторанов вместо «Чахохбили» писали «Чехомбили» и «Чахомбили» – одними названиями по слуху били.

Тем временем все стали усаживаться за столы, и нам с Катрин и Яковом достались места в левой части зала. Гости, а вернее, хозяева этого стола, принялись откупоривать бутылки с шампанским, вином и коньяком. Затем со своего места встал солидный седовласый мужчина и произнес витиеватый кавказский тост, долгий и прочувственный, после которого все выпили. За ним последовал другой, третий... Всего мы в этот вечер услышали великое множество красивых и многословных кавказских тостов и пожеланий. В обильном и веселом застолье незаметно пролетело не менее трех часов. Каждый пил что хотел. Напитков, соответственно закускам, было изобилие невероятное: коньяки – молдавский, грузинский, дагестанский и армянский, а также французский; и еще охлажденная водка нескольких сортов. В богатом ассортименте были представлены вина: сладкие, полусладкие и сухие, бутылки были самых разнообразных форм и размеров, не говоря уж о многообразии и красочности этикеток. В наличие также имелось несколько сортов шампанского. По справедливому Каткиному замечанию, на столах не хватало лишь свинины, которую хозяева сегодняшнего банкета, будучи в большинстве своем евреями, не употребляли.

В какой-то момент, решив, что с нас уже достаточно, я встал, и, взяв Катку за руку, отправился, словно бы прогуливаясь, на выход, так как внимания к моей даме к этому моменту было уже в избытке – на полсотни «джигитов» в этой развеселой компании приходилось всего с десятков женщин, и всем этим дамочкам, честно говоря, по внешним качествам до Катки было столь же далеко, как если ползти на карачках от Кишинева до Кисловодска, откуда, если верить Яшке, прибыла когда-то в Молдавию почти вся присутствующая здесь братия, включая

и его самого. Поэтому мы и решили с Катькой убраться подальше с их глаз, уже не на шутку разгоряченных спиртными напитками, тем более, что «простых» в этой компании не было – все здесь присутствующие были если не миллионерами в рублях, то уж наверняка хорошо «упакованными», – а эти люди не привыкли себе в чем-либо отказывать, того и гляди – возгорятся желанием к Катерине, а там и до эксцессов недалеко.

До двери нас проводил Яшка.

– Яшенька, все было просто замечательно, поверь, так что извини, что уходим по-английски, не прощаясь. Объясни своим ребятам, если кто поинтересуется, что у нас дела, театральное представление, концерт, лялька дома плачет, в общем, сам придумай что-нибудь, – пожал я ему руку на прощание и призывно махнул водителю стоявшего неподалеку такси.

– Не исчезайте совсем. Сообщите швейцару или горничной, где вас можно будет найти, – сказал на прощание Яшка, открывая дверцу остановившейся рядом «Волги», на дверце которой были изображены шашечки. – Я тоже собираюсь скоро покинуть компанию своих сородичей, одной-двух встреч в году с ними для меня вполне достаточно.

Глава пятая

Приехав в центр города, мы с Катюшей не торопясь сделали обход всех близлежащих баров, выпили в каждом из них по бокалу шампанского, поболтали со знакомыми мне барменами, а затем перебрались в «Интурист» на второй этаж, где с удобствами устроились в тамошнем баре за отдельным столиком.

Несколько позже, когда в бар набилось чрезмерно много народа, мы покинули и его, поднявшись лифтом сразу на 14-й этаж – там располагался небольшой, но уютный валютный бар, где, впрочем, отпускали и за рубли.

День плавно перетекал в вечер, позолота вечернего заката постепенно уползала со зданий и поднималась вверх, исчезая и уступая наступающей серости, зато нам было весьма удобно и интересно наблюдать за всем с той высокой точки, где мы теперь находились, и с которой был виден почти весь город.

Мы по-прежнему пили лишь шампанское и развлекались тем, что указывая пальцами вниз, пытались угадать знакомые места – улицы, проспекты, здания и парки.

Публика в баре на 14-м этаже была немногочисленной, но солидной: я знал, что зачастую здесь назначали друг другу встречи серьезные деловые люди, а барменом тут работал знакомый мне паренек, носивший простое имя – Иван. Любопытно, что всего полтора года тому назад этот самый Иван начинал в нашем провинциальном ресторане поваром, и вот, за такой весьма короткий срок вырос до бармена в столичном валютном баре. Помнится, в первый вечер, когда мы с Ваней только познакомились, я спросил его, что он умеет хорошо, как профессиональный повар, готовить. В ответ он поинтересовался, чего бы я хотел съесть. Я и сказал, что давно, мол, мечтаю отведать люля-кебаб – это было первое название, пришедшее мне на ум. После этого я спустился к себе в бар, а еще спустя минут сорок уже здорово оголодавший и от того сильно рассерженный, вновь поднялся наверх, а повар Ваня встретил меня разведенными в стороны руками, сказав извиняющимся тоном, что мой заказ – люля-кебаб – будет готов лишь через десять минут. Я хотел было рассмеяться, сказать ему, что с моей стороны это была всего лишь шуткой и что я готов съесть что угодно, но вовремя понял, что парень отнесся к моему заказу весьма серьезно и решил не обижать его, а потерпеть немного и дожидаться-таки столь любовно приготавливаемого им люля-кебаб.

По правде говоря, я, наблюдая за Ваней, суетившимся за стойкой, совсем ему не завидовал, и особенно тому, что он забрался так высоко – во всех смыслах: валютный бар «Интуриста», да еще 14 этаж. Здесь «капусты» особо не нарубишь, так как оборот клиентов тут минимальный, и, соответственно, много денег заработать сложно. Зато на этом месте, в отличие

от многих других, можно было приобрести массу ценных и нужных знакомств, включая знакомства с иностранцами – это, как я понимал, на современном этапе жизни было не менее, а зачастую и более важно. Впрочем, на такое место работы случайного человека не возьмут: обязательно надо было заключать с КГБ договор о сотрудничестве, а затем требовалось очень ловко маневрировать между этой весьма серьезной фирмой и не слишком законопослушным окружением, чтобы без особых затруднений урвать и свой лакомый кусочек, и притом так, чтобы хвост не припалили, как говорится.

Следует отметить, что и здесь, на 14-м этаже, «моя» Катрин пользовалась успехом: ее беспрерывно приглашали танцевать. И пару раз мне пришлось её отпустить на танец. Но, отказав очередному подошедшему к нам ухажеру, она увлекла меня на медленный танец и, положив голову мне на плечо, прошептала:

– Савва, они мне все уже так надоели, не пускай меня больше танцевать с другими.

– Почему, моя девочка? – поинтересовался я.

– А почти все во время первого же танца объясняются мне в любви.

– Но это же хорошо, – сказал я.

– Нет, не хорошо. – Катя приблизила свои огромные миндалевидные глаза вплотную к моему лицу. – Вот если бы ты говорил мне о любви, было бы совсем другое дело.

– Я? О любви? Прости меня, Катрин, я с некоторых пор даже собственной жене не говорю «люблю».

– А напрасно, милый, напрасно ты так, ведь женщины очень любят это слово, – томно сказала Катка, игриво закатывая глаза и повисая на моей шее. После танца мы вернулись за столик и Катку вновь стали приглашать. Но теперь я отказывал всем подряд, делая зверскую физиономию и копируя кавказский акцент, а когда перепуганные клиенты отходили, мы с Каткой заливались от хохота, и вскоре нас оставили в покое.

Но были среди посетителей и такие, которые, не покидая своих мест, пялились на Катку во все глаза, и тут уж я ничего не мог поделать.

Особенно я отметил для себя нахального лысого коротышку лет сорока: он сидел за столиком с еще двумя мужиками примерно его же возраста и солидного вида – всего несколько часов тому назад мы уже общались в кругу им подобных – я имею в виду Яшкину компанию. Коротышка почти неотрывно наблюдал за Катериной, периодически вытирая блестящую лысину носовым платком и залпом опрокидывая в глотку коньяк – рюмку за рюмкой.

Таким образом, проведя весь день и последовавший за ним вечер целиком в празднотствии, мы вернулись в гостиницу около полуночи. Пропуская Катю перед собой в наш гостиничный номер, я ощутил от нее все тот же самый остренький запашок – ее родной, – но теперь меня это уже не беспокоило, так как я твердо решил для себя, что прошедшая ночь, ночь нашей любви, была первой и последней.

В номере, совершенно по-свойски, каждая со стаканом шампанского в руке, располагались вчерашние «девушки», – оказалось, что еще во время первой встречи им было уплачено наперед, включая и за этот вечер тоже. Девочки сделали вид, что обрадовались нашему приходу, но на Катерину они поглядывали настороженно: они чувствовали, конечно, что она – из их круга, но понимали, что с такой внешностью она им не конкурентка – её уровень был много выше. Вообще-то говоря, такса этих девочек была весьма определенная: режиссерская жена получала 25 рублей за один постельный сеанс, жрицы же «быстрого секса» – по 10 рублей за каждый «контакт», плюс 10 – за визит. Эти девочки и сообщили мне, что «наши друзья» – «Торпедовцы» Кутаиси, проиграли молдаванам, если не ошибаюсь, со счетом 1:2. Девушка, сообщившая мне об этом, так меня осчастливила (я хоть и не футбольный фанат и даже не болельщик, но все же, повторяюсь, патриот своей республики), что я решил с ней удалиться в соседний номер, который, – а она, оказывается, была в курсе дела, – был в настоящий момент свободен. «Профессионалка» уложила меня на диванчик, на котором у нас процедура

«быстрого секса» затянулась минут на тридцать-сорок. В один прекрасный момент она, подняв на меня глаза, жалобно спросила:

– Ты кончаешь вообще когда-нибудь?

На что я ей ответил:

– Не отрывайся, пупсик, это было так близко...

– Ты такой «долгоиграющий» и обильный, – сморщив тонкий орлиного профиля носик, недовольно процедила «пупсик», когда мы, спустя еще какое-то время поднялись с постели, – это просто ужас.

– Не грусти, а по поводу денег не переживай, – шутливо шлепнул я девицу по поджарому задку. – Я скажу Яшке, чтобы он тебе один раз со мной посчитал за два. Или нет, за три, как за работу в особо трудных условиях, вот!

Девушка в ответ на это только цинично усмехнулась.

Всем вместе нам на этот раз удалось собраться уже после полуночи: Яшка, режиссер, я и Катерина, которая в этот поздний час осталась совсем без внимания. Она с упреком поглядывала на меня, когда я вернулся в наш номер с девицей – футбольной болельщицей. Однако сил больше ни на что не оставалось, и я, стараясь не встречаться с Катюшей взглядом, отправился спать. Яшка, как я еще успел заметить напоследок, усевшись рядом с ней, стал предпринимать попытки ее соблазнить. Не знаю уж, чем там у них все закончилось, я уснул.

Глава шестая

А утро следующего дня началось с приятной неожиданности: едва мы проснулись, как в дверь постучали, я открыл и увидел множество незнакомых, подобострастно улыбающихся лиц. Поначалу, признаться, я даже чуть было не испугался. Затем услышал: «доброе утро, ваш заказ – завтрак» – к нам, как выяснилось, пожаловала целая делегация: две официантки и метр из ресторана вошли внутрь с полными подносами, уставленными всякой снедью; за ними кухонный рабочий и лифтер занесли в картонных ящиках все недостающее и в действительности оказалось, всё это нам было предназначено на завтрак! Для Яшки принесли отдельный поднос: он соблюдал некое подобие кашрута – свинину не ел, а мясное не смешивал с молочным, и когда чуть позже Катрин его спросила, что это такое – кашрут, он сказал ей, что это такая специальная религиозная диета, предназначенная сугубо для нежных еврейских желудков. Через минуту следом за официантами прибыл и сам Яша – уже в костюме, чисто выбритый, улыбающийся, а с ним был режиссер Вольдемар с какой-то новой, незнакомой нам молодой, привлекательной и весьма сексапильной женщиной.

Мы уселись за стол и под шутки-прибаутки отдали дань всякой вкуснятины; были открыты бутылки с шампанским, коньяком и даже водкой, хотя лично я считаю потребление алкоголя во время завтрака излишним. Впрочем, еда, надо признать, соответствовала: без крепких напитков ее, пожалуй, нельзя было одолеть. Салаты из помидоров и огурцов (и все это, заметьте, в мае месяце!), ассорти рыбное и мясное, икра – черная и красная, и еще какие-то блюда, даже мне, работнику общепита незнакомые, но вкусные и нежные. А также паштеты из птицы фирменные натуральные ресторанного производства, мясо в горшочках и т. д. Этот завтрак на пятерых нам обошелся в 300 рублей, то есть в пару-тройку среднестатистических месячных зарплат, – Яша по секрету мне об этом поведал чуть позднее.

Во время завтрака я с интересом разглядывал новую спутницу Вольдемара, которую звали Нелли: это была броская внешне, чрезвычайно привлекательная шатенка – пухлые губки, слегка подвывернутые наружу, четкие, выразительные черты лица, большие карие влажные глаза, роскошный бюст, и т. д., – великолепный образчик проститутки. Вульгарный, чрезмерный для утреннего времени макияж, выдавал в ней представительницу этой всем известной

древнейшей профессии, при этом от неё буквально пахло сексом, о чем я не замедлил сообщить Вольдемару.

– Да не разглядывай ты ее так, – хохотнул он, когда мы с ним вышли в коридор покурить. – Хочешь, поменяемся, ты мне Катерину – всего на одну ночь, а я тебе Нелю – хоть навсегда, идет?

– Признаюсь тебе, она на меня так притягательно действует, что я просто не могу оторвать от нее глаз. И все же, лично я маршала любви на потрепанного солдата сексуального фронта ни за что не поменяю, – пошутил я.

– Э-э, не скажите, товарищ, она хоть и проститутка, да не простая, в основном по верхам промышляет, – Вольдемар указал пальцем куда-то вверх, – и, кроме того, связи, дорогой мой товарищ, ее родной дядя сидит там, наверху, – он, между прочим, тс-с! – заведует общим отделом ЦК.

– Так что же это... – вырвалось у меня, – получается, она дядю своего позорит?

– Да она не столько ради денег этим занимается, сколько ради искусства – любит она это дело, – Вольдемар, рассмеявшись, изобразил руками непристойный жест. – Впрочем, ты можешь с ней просто договориться, ее тариф для своих – полтинник за ночь, могу записать тебе ее телефончик.

– Запиши-запиши, Вольдемар, я твоей доброты вовек не забуду.

После обильного и весьма развеселого завтрака, в течение которого Яков беспрерывно шутил, нам с Катюшей была предоставлена полная свобода действий. Яша объявил, что сбор после обеда, здесь же, в гостинице, а сам тут же укатил куда-то по своим делам. Мы же с Катюшей отправились гулять по городу, а когда подошло время обеда, отправились обедать в европейский зал «Интуриста».

Несмотря на повышенное к моей партнерше внимание со стороны мужчин – надо же, и здесь все то же самое! – Катюша эти два долгих дня вела себя вполне достойно и корректно, со всеми была вежлива, со мной предупредительна, и вообще, поведение её за этот период разительно улучшилось – она с каждым днем все более походила на светскую даму, отвыкая от роли дешевой шлюхи.

Я привел ее в ресторан с одной лишь целью – чтобы она на людей посмотрела, а не из желания поесть – у меня в желудке еще полностью не переварился обильный завтрак.

Кое-кому, быть может, описание наших с Катериной бесконечных походов по барам и ресторанам покажется утомительным и скучным, но без этого и сам рассказ не имел бы смысла – потому что все происходящее с нами и – главный момент этой истории, – о котором будет рассказано чуть ниже, – тесно связан именно с этими самыми «злачными местами».

Неподалеку от нашего столика весело и шумно гуляла какая-то солидная компания, и одним из отдохавших в ней мужчин оказался вчерашний наш «знакомый» из бара на 14 этаже – тот самый лысый придурок лет сорока, низенького роста, который больше всех на Катюку заглядывался.

Он, конечно же, узнал её, и уже несколько раз подходил приглашать танцевать; при этом мой взгляд, направленный на лысого, раз от раза становился все неприветливей. Катюка же, как ни странно, не отказывала ему, видимо, находила его забавным, весело крутила своего «кавалера» в танце, и хотя сегодня она надела новенькие итальянские туфельки почти без каблучков, все равно была почти на голову выше его, что немало меня веселило. Когда лысый в очередной раз подошел приглашать Катрин, я рассмеялся этому карлику в лицо:

– Слушай, катись ты ко всем чертям, шар бильярдный. Надоел, чертов недомерок.

Может и обидно было ему это слышать, однако он показался мне уж больно назойливым, и я хотел, чтобы он это понял. Как я и предполагал, лысому после этого захотелось объясниться, и он пригласил меня отойти с ним на разговор, а мне подумалось, что он жаждет

получить трепку, – поэтому, как только мы с ним вышли в коридор, я взял его за отворот пиджака и сказал:

– Или ты, карлик, уберешься с наших глаз, и больше не будешь надоедать, или я тебя выброшу в окно (не приходилось даже говорить всерьез о драке с этим коротышкой). Однако он схватил меня за рукав пиджака обеими руками и стал запальчиво говорить:

– Вы кое-чего не знаете, Савва, я очень серьезный человек и Катя мне очень нравится.

– Мне тоже, как ни странно, – усмехнулся я, а про себя подумал: «Мне, правда, она лишь временами нравится, в частности, сразу после ванной».

– У меня в отношении Катерины только серьезные намерения, поверьте, – выпалил лысый и вновь, вытащив платок, стал вытирать лысину. – Вы, Савва, только выслушайте меня, я вам сейчас объясню, что это означает.

Лично по мне все же стоило послать его к чертовой матери, а еще лучше, треснуть по лысине – я, признаюсь, прямо горел желанием сделать это, но Гриша – так звали коротышку – уже успел что-то такое нашептать Кате во время танцев, отчего та, улыбаясь, глядела на него снисходительно и, как мне показалось, даже кокетливо-благодарно. Итак, благодаря моему слишком доброму и покладистому нраву, уже через десять минут лысый сидел за нашим столиком (на неоднократные просьбы влиться в их компанию я категорически отказался) и что-то там плел о любви с первого взгляда и тому подобный бред. Я же брезгливо разглядывал его, так как товарищ этот, признаюсь, был мне абсолютно антипатичен, к тому же теперь он называл меня почему-то не по имени, а по профессии – «барменщик», что выводило меня из равновесия, и я вновь стал подумывать, что не мешало бы все же ему для «профилактики» накатать по шее. Однако из всех сказанных им слов я уяснил себе, что он уже выпытал у Катки секрет наших с ней взаимоотношений, он даже знал, что я женат, а она всего лишь подруга. В этом месте нашего разговора я тайком показал ей кулак. В ходе дальнейшего разговора также выяснилось, что Катка ему наплела, будто знакома со мной с прошлого года, с тех пор как закончила десять классов, и теперь вот уже месяц как живет со мной, отдавшись мне девушкой – все это я понял из Гришиных намеков и недомолвок. Тут уж я ей показал кулак натурально, в открытую. Затем Гриша добавил к сказанному без излишней скромности, что занимается драгоценными камушками и антиквариатом, и чувствует себя достаточно уверенно в материальном плане, а я из всего вышесказанного уяснил себе главное, – он просит у меня Каткиной руки.

У меня? Ха-ха! Каткиной руки? Хо-хо! Каково, а?!

Тогда я ему заявил, на всякий случай с металлом в голосе, что он этими словами делает мне больно, если хочет разрушить нашу с Катериной «любовь». На этот раз уже Катка не удержалась и под столом наступила мне на ногу, а я, надувшись как индюк, стал перечислять и расписывать вероятному жениху все ее достоинства – настоящие и мнимые. Чуть позже, в связи с очевидной серьезностью разговора, мы спустились на первый этаж, перейдя в бар «Лидо», где знакомый мне бармен Леня – симпатичный добродушный парень, фигурой напоминающий медведя, едва завидев нас, предложил освежиться финским пивом. Оставив Катку у стойки – развлекать бармена, мы с Гришей пересели за дальний уединенный столик. И там под финское баночное пиво по рублю за штуку я продал Катку, причем не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова, – Гришка пообещал мне за нее отступного.

Получилось так, что он сам спросил:

– Сколько, по-твоему, если без обид, я должен буду тебе за Катеньку?

– А сколько не жалко за такой редкий по красоте бриллиант? – спросил я.

– Сам назначь сумму... – осторожно протянул он.

– Скажу откровенно, что Катенька дорога мне как сто других «катенок», бумажных, если ты понимаешь, о чем речь, плюс одна.

– Обижаешь, – сказал Гриша, на лбу его выступил обильный пот. – Я так понимаю – десять тысяч? То есть десять тысяч сто рублей. Я согласен.

– Считай, это подарок тебе, – процедил я сквозь зубы. – Катька – сама по себе драгоценность. А какая упаковка, ты обратил внимание? Одна только упаковка, к твоему сведению, стоила мне почти половину этой суммы, и куплена вся, заметь, не позднее, чем вчера, в местной «Березке».

– Я учту это, – вставил Гриша и судорожно сглотнул. – Только... можно я спрошу?

– Валяй.

– Скажи, почему сумма не круглая?

Я поднял уже, было, руку, чтобы шутливо шлепнуть его по лысине, но потом, с трудом сдержавшись, опустил:

– Круглыми бывают только идиоты, Гришенька. Ну да ладно, – снисходительно заключил я, – к присутствующим это не относится. – И, сделав серьезное лицо, предупредил строго: – Только, естественно, никакой самостоятельности с твоей стороны, она будет со мной до самого расчета, уяснил? Если мы с тобой вообще о чем-либо окончательно договоримся.

– Уяснил, – прошептал Гришаня. Я еще некоторое время зачем-то мутил, морочил ему мозги, расхваливая Катьку, и под конец мы договорились о том, что у всех троих будет неделя на раздумье. Затем мы позвоним ему – что будет означать наше согласие, – после чего он – Гриша (это его собственные слова) прилетит в наш город за Катей на «крыльях любви».

– А у тебя, Савва, говорят, красивая жена? – неожиданно спросил он.

– Не продается, понял! – резко оборвал я собеседника, желая прекратить эту тему, и хлопнул его ладонью довольно сильно по плечу, хотя по-прежнему испытывал огромное желание заехать прямо по лысине.

Григорий вновь сник.

– Не тасуйся, Гриня, – сказал я ему на прощание. – Это будет самая удачная твоя сделка, может быть, и за всю жизнь.

Когда Гриша, перекинувшись на прощание двумя словами с Катькой, ушел, я подумал, что ему, возможно, не жаль будет выплатить названную мною сумму, и, таким образом, он от меня окончательно избавится, приобретя себе красавицу жену.

Едва я об этом подумал, как сам предмет обсуждения и торго – Катька – подошла и спросила:

– Ты что, всерьез все это говорил? Ну, насчет денег и тому подобное?

Я с удивлением и недоумением на нее уставился: мне казалось, что это было именно то, чего Катька подсознательно хотела и подспудно добивалась.

Поэтому я сказал осторожно:

– Таким образом, Катенька, ты сможешь устроить свою жизнь, свое будущее. В конце концов, не вечно же тебе по барам и блатхатам шлаться-болтаться. Пройдет еще пара лет и малолетки подопрут, вытеснят тебя с этого поприща, запомни – бабий век короток, поэтому надо поскорей определяться.

В общем, я стал развивать эту тему вширь и вглубь, и вскоре договорился до того, что Катька надулась и вообще перестала со мной разговаривать.

Когда мы вернулись в гостиницу, оказалось, что Яшка уже давно нас ожидает, и уже спустя минут десять, погрузив многочисленные коробки с покупками в машину, мы выехали в наш прекрасный южно-молдавский город. Всю дорогу я сидел, прижавшись виском к прохладному стеклу дверцы и размышлял о том, что в бизнес совместно с Яшкиными друзьями мне так и не удалось влиться – вместо этого мы с Катюшей все имевшееся у нас время на рестораны и бары ухлопали, – и все же прибыль с этой поездки, как ни странно, я, возможно, сумею получить, и с весьма неожиданной стороны – от случайно встреченного нами влюбившегося в Катерину Григория.

Глава шестая

Через несколько дней мы с Катрин встретились в баре и серьезно обо всем поговорили, причем поначалу мне пришлось ей чуть ли не по голове стучать, чтобы до нее все дошло, и в установленный час мы с переговорного пункта, что в центре города, позвонили Григорию. Я думал, что у Гришки за прошедшие дни наступит похмелье, то есть разум возобладает, и он шуткой ответит на мой звонок, или не станет разговаривать вообще, но он, как оказалось, с нетерпением ожидал от нас звонка, и голос его в трубке, несмотря на обычные для нашей связи помехи на линии, был возбужденным и счастливо-восторженным.

«Григораш, это ты, дорогой?» – спросил я его, сознательно произнеся его имя на молдавский манер, но он никак не отреагировал на юмор, спросил, где Катерина и тогда я передал ей трубку, позволив Катке сказать всего несколько слов: «Приезжай, найдешь меня в баре, жду», после чего, нажав на рычажок, прервал разговор. Тут же, в переговорной, не стеснясь посторонних, Катка вдруг прильнула ко мне и заплакала.

Здоровенная же телка, ей-богу, а ведет себя как маленькая, подумал я. Растроганный, я вдруг в эту самую минуту понял, что она, при всей своей шикарной внешности и несправедном образе жизни, в сущности, совсем еще девчонка – наивная и глупая, и ничего хорошего в этой жизни еще не видела.

Гришка примчал в наш город на следующий день «на крыльях любви», то есть за рулем автомобиля «волга»; мы ожидали его, как и договаривались, в баре. Он отдал мне в толстом пакете обещанные сто «катенок», 10 штук (десять тысяч рублей по нашему), а вместо ста рублей он подарил мне перстень с брилликом ценой, как позднее выяснилось, не менее чем в полторы штуки, ну а Катке и маме ее навез кучу подарков еще, наверное, на такую же сумму.

«Боже ж ты мой, что только любовь с людьми делает!» – думал я, с интересом разглядывая подаренный мне перстень, который неожиданно пришелся мне как раз впору, – я, как истинный голожопый пролетарий в энном поколении, не люблю всякие эти побрякушки, не разбираюсь в них и потому никогда не ношу, включая и обручальное кольцо, купленное мною когда-то за 27 рублей по государственной цене, установленной для молодоженов. Однако Гришка поразил меня более всего именно этим жестом, говорящим о широте его натуры.

Катка увезла своего женишка прямо из бара знакомиться с родителями, которые, по моему, были одного с ним возраста. Ну а я, с согревающей мне душу и оттягивающей карман тугой пачкой денег и с подаренным перстнем на пальце, отправился домой. «Десять тысяч, – удивлялся я, когда по возвращению домой развернул пакет и разложил деньги на столе стопочками. – А ведь всего пару месяцев тому назад Илюша, Каткин дружок-одноклассник, предлагал мне купить ее за десятку, то есть за ведро вина. Но я молодец – десятку сэкономил, даром девушку забрал. И теперь вот Каткина цена выросла по сравнению с первоначальной ровно в тысячу раз».

Глава седьмая

Через месяц в Кишиневе, в одном из лучших ресторанов города, игралась свадьба – Катрин и Гриша сочетались законным браком. Мне тоже пришлось отправиться туда – я, конечно, не очень этого хотел, но Катка настояла. Все гости, приглашенные из нашего города, а это были родители, родственники и друзья невесты, разместились в заказанном женихом автобусе «Паз», а мне там места не хватило, поэтому я отправился в Кишинев на такси, благо, я был не один, а вместе с очаровательной девушкой Наташей всего шестнадцати лет от роду. При этом внешне она весьма походила на Катку и была почти такой же рослой – и приходилась ей, как вы уже догадались, младшей сестрой. Сестричка эта была многообещающе хороша, а глав-

ное – я не улавливал от неё того запаха, который так отпугивал меня от Катьки. И все в ней, Наташке, было замечательно, не хватало лишь какой-то мелочи – то ли изюминки, что ли, то ли того особого шарма, которым природа в изобилии одарила Катьку, но я делал девушке в этом плане скидку – какие ее годы? Всё еще приложится, думал я.

Свадьба, что и говорить, вышла богатая, гостей было сотни две, не меньше; все местные – родня и гости со стороны жениха, – были дорого и роскошно разодеты. Невеста блистала в шикарном импортном платье; ну а внешне она была – чего уж там, само великолепие; жених – как не слишком красивая, но надежная драгоценная оправка к ней; гости – сплошь солидные и деловые, приглашенный тамада был само красноречие, стол тоже весьма соответствовал, но... при всем внешнем изобилии празднество протекало не слишком весело. А тут еще Катька учудила – вот же стерва все-таки! – в тот самый момент, когда мне предоставили для поздравления микрофон, и я уже, было, собираясь с мыслями, открыл рот, она стала со мной рядом и сказала:

– Дорогой Савва, многие из присутствующих здесь знают, что ты – сама скромность, и поэтому я скажу кое-что за тебя: это ты нас с женихом познакомил и вообще много чего хорошего как для меня лично, так и для нас обоих сделал. – Весь зал в этот момент был полное внимание на нас, и я напрягся, предчувствуя с Катькиной стороны какой-то подвох. И, конечно, дождался, предчувствие меня не обмануло.

– И поэтому, – продолжала невеста, повысив голос, – в этот важный и счастливый для меня день, я хочу чтобы ты при двух сотнях свидетелей сделал мне приятное: пообещай, что половину из доставшихся тебе денег истратишь на мою сестру Наташу, а также дай слово, что до своего 18-летия, то есть ближайшие два года, она будет под твоей постоянной опекой.

Я в растерянности, словно пойманный за руку вор, стал озираться по сторонам. Затем через силу улыбнулся и торжественно пообещал – обязательство, надо сказать, было хотя и хлопотливым, но все же достаточно приятным.

Мы с Наташей сбежали со свадьбы раньше срока – было что-то около трех ночи – и я повез ее на Ботанику (есть такой район в Кишиневе). В моем распоряжении имелся ключ от одного из частных домиков, расположенных в районе озера. (Дядя моей жены, владелец этого жилья, мой хороший приятель, любезно предоставлял его мне в любой день, когда я нуждался в этом). Весьма приятно было после свадьбы забраться в теплую постель, да еще с такой роскошной партнершей. Впрочем, она была еще совсем юна и неопытна, так что мне предстояло немало потрудиться на этой ниве.

Глава восьмая

После свадьбы мы с Катькой долгое время не виделись, так как она сразу же перебралась жить в Кишинев, к мужу, а встретились, причем совершенно случайно, примерно через год после описанных выше событий, причем неподалеку от той самой гостиницы «Кишинэу», с которой, собственно, все и началось. Идя по улице по направлению к памятнику герою революции Котовскому, я вдруг обратил внимание на красивую молодую женщину, идущую мне навстречу. Она медленно прогуливалась и при этом, глядя куда-то в сторону, не замечала меня.

Несколько секунд понадобилось мне для того, чтобы я узнал в этой женщине Катрин. Когда между нами оставалось всего несколько шагов, я загородил ей дорогу. Катрин, подняв глаза и увидев меня, тут же раскрыла навстречу свои объятия.

– Мог бы за это время хоть разок в гости приехать, – упрекнула меня она, целуя в щеку. – И Наташку взял бы с собой, я по ней ужасно соскучилась.

– Я и сам по ней соскучился, – пожаловался я. – Вечно с малолетками где-то болтается, поведением своим – ну точная копия сестрички старшей.

– Болтай-болтай, балаболка, – сказала Катька, продолжая меня обнимать.

– Ты же знаешь, Катька, – сказал я, беря ее под руку и увлекая вдоль по дорожке, и тем самым как бы продолжая прогулку. – Обманывать тебя я не стану, а если и привру немного, то только лишь для пользы дела.

Катрин рассмеялась и сразу стала прежней Катькой, которую я хорошо знал и помнил. Мы еще прогулялись немного, затем постояли, поговорили, посмеялись, вспоминая минувшие денечки, и Катька мне по секрету похвастала, что на ее имя теперь записана кооперативная 3-комнатная квартира, расположенная в самом центре города на третьем этаже – она даже показала мне свой дом-девятиэтажку, который одним краешком виднелся с того места, где мы стояли. Слушая ее рассказ, я вернулся к мысли о том, что Катька теперь замужем, и тут только до меня дошло, что она, поднимаясь по дороге, шла не прежней своей, королевской походкой, а какой-то новой, для нее необычно вальяжной, словно вразвалочку, что и смутило меня в первые секунды, когда я ее только увидел. Я сказал ей об этом, а она улыбнулась, погладила себя по чуть выпирающему из-под куртки животу и сказала, что у нее беременность шесть месяцев.

Мы постояли еще немного, вспоминая наши приключения годичной давности; Катьку во всей той истории особенно веселил тот момент, когда Гришка, придя ее у меня выкупать, совал мне пакет с деньгами.

– Надеюсь, это были не последние его деньги? – спросил я её. – Тебе на бельишко да молочишко осталось?

Катька поглядела на меня хитро, потом сказала:

– Боюсь, что даже я не знаю, сколько он зарабатывает. Только теперь, конечно, я бы не позволила Гришке тебе такие деньжищи отдать – умная стала.

Я обнял ее и, нежно прижав к себе, сказал:

– Если честно, Катька, ты одна из немногих знакомых мне женщин, даже просто стоя рядом с которыми испытываешь гордость – красивая же ты, стерва! А теперь ты еще и слишком умной становишься. Ведь деньги, и ты теперь, надеюсь, знаешь это наверняка, все равно, что дым. Чуть больше их, или чуть меньше – живи и радуйся. И по мере возможности наслаждайся. – Я ласково повернул ее к себе спиной и слегка оттолкнул от себя. – А теперь иди, не дразни меня, я, если хочешь знать, беременных женщин просто обожаю, они мне кажутся ужасно сексуальными.

– Ну, так в чем же дело, пошли к нам, – нисколько не смутившись, предложила Катька. – Ты же не чужой для нашей семьи, спокойно можешь зайти в гости, причем, в любое время, когда тебе этого захочется. И ванная у нас есть, – глаза её подернулись влажной поволокой. – И даже вода горячая в кране...

– Иди к черту, ведьмачка, – сказал я, отводя свой взгляд и будто не замечая Катькиных намеков. – У меня на горячую воду аллергия, ты же знаешь, в нашем городе она бывает только по праздникам. Прощай, я тебе желаю счастья, Катрин. – И я медленно пошагал вверх по улице.

Обернувшись через несколько шагов, я увидел, что Катрин по-прежнему стоит и провожает меня взглядом, на лице ее играла невинная улыбка, она казалась вполне счастливой и довольной собой. Глядя на нее, я даже слегка позавидовал Гришке – у него была такая роскошная жена.

1981—1982 г.

Уфа – Стерлитамак

Коктейль «Кофейный мохито».

Кофе «Эспresso»

100 мл тоника.

4 листика мяты.

3 дольки лайма.

1 ч.л. коричневого сахара.

Мяту, лайм и сахар растереть в бокале.

В стакан насыпать измельчённый лёд, перемешать.

Влить тоник, затем добавить «эспresso». Долить кофе, стараясь не смешать слои.

Украсить мятой и лаймом.

Хвала Творцу, что время длится,

что мы благих не ждем вестей,

и хорошеют наши лица

от зова низменных страстей.

Игорь Губерман

Глава первая

Наша молдавская зима с её капризной переменчивой погодой – от морозов до оттепелей, чаще в феврале, но иногда такое случалось и в январе, – была уже на исходе, когда мой непосредственный шеф, начальник отдела сбыта винзавода Песков Алик Наумович, наш отец, кормилец и благодетель, как называли его проводники, позвонив утром по телефону, вызвал меня из дома, пообещав новый рейс, – на этот раз, я надеялся, речь шла действительно о дальней поездке, так как предыдущий мой рейс длился всего четверо суток, и за это время мне даже не пришлось выехать за пределы Молдавии.

Зная, что меня могут опередить шустрые коллеги, также лелеявшие мечту о дальних рейсах, я, не теряя ни минуты, отправился на винзавод. Однако, войдя в автобус, я обнаружил там нескольких своих коллег, направлявшихся туда же, куда и я, так что в контору завода мы прибыли уже небольшой компанией. Дорогой от нечего делать мы сплетничали: вот уже несколько дней весь город будоражили слухи о том, что один из наших коллег-проводников – Валера Карпин, имя которого и без того весьма часто бывало у всех на слуху, убил какого-то человека. Обычная бытовая история: муж, не вовремя вернувшийся домой, застал его в постели со своей женой, из-за чего между ним и Валерием тут же вспыхнула драка. Разъяренный по понятной причине муж, схватив кухонный нож, бросился на любовников, которые, нежась в постели, заметили его лишь в последнюю секунду, но в итоге был убит ударом того же самого ножа в грудь, который Валерий в ходе драки сумел развернуть в сторону нападавшего. Может быть, кто-то и счёл эту историю нереальной, но только не я: зная не понаслышке, что Валерий обладает чудовищной физической силой, мне нетрудно было предугадать результат подобной схватки. Мало кто знал, что в юности Валерий занимался борьбой, да еще так успешно, что дважды ездил на всесоюзные первенства. Правда, медалей оттуда не привёз, опыта не хватило, хотя физические кондиции его были на высоте. Став старше, Валерий бросил спорт, но искрометная энергия была из него ключом, не находя выхода, поэтому в конце концов он обрёл себя в криминале.

В тесном кабинете начальника сбыта к нашему приходу собралось десятка полтора проводников, при этом все вполголоса обсуждали всё то же происшествие. Присоединившись к остальным, и тем самым заполнив помещение до отказа, мы стали ждать распределения рейсов. Наконец, хозяин кабинета, Алик Наумович, оторвавшись от своих бумаг, внимательно оглядел всех присутствующих и сказал с явной, нескрываемой радостью в голосе:

– Ну что, ребята, доигрался все-таки наш работник и ваш коллега Карпин? Сколько ему говорили люди, да и я тоже: будь потише, води себя скромнее, не лезь на рожон, так нет, он еще и к чужой жене в постель полез. Жаль, конечно, что невинный человек погиб... Так ведь и Карпин теперь лет десять нас не будет тревожить, опять отправят его в места не столь отдаленные.

Я, выслушав его, усмехнулся. Злые языки утверждали, что Алик Наумович (среди своих, домашних его звали Цалик Буюмович) ненавидел Валерия Карпина лютой ненавистью, так как тот требовал для себя только выгодные рейсы, которые Песков, боясь его, безропотно ему предоставлял.

Остальные проводники отреагировали на слова шефа по-разному: кто-то чесал в затылке, жалея коллегу, другие, особенно те, кто знал Валерия достаточно хорошо или ездил с ним в рейсы, – вздохнули со скрытым злорадством, так как характер у Валерия был далеко не сахар, к тому же он напарников своих, из тех, кто попроще, как говорили знающие люди, обделял порой в деньгах, и, кроме того, заставлял выполнять все тяжелые и грязные работы по вагону, а то и вовсе склонял к содомскому греху, к которому привык, отсиживая на зоне свой еще первый срок, кстати, тоже за убийство. При этом следует отметить, что очень многие в нашей фирме побаивались его и в то же время уважали: иные за физическую силу, другие же тянулись к нему за циничный, но острый самобытный юмор, за бесстрашие и бесшабашность, за умение широко гулять и привлекать к себе женщин.

– Ну, хватит о пустяках, давайте теперь займемся делом, – задумчиво сказал Алик Наумович, вновь склоняясь над столом и начиная листать свою всем нам знакомую потрепанную тетрадь в желтом кожаном переплете.

Ввиду важности момента проводники притихли, некоторые даже дыхание задержали: ведь от распределения рейсов зависело очень многое: первое – сколько времени продлится рейс, ведь у нас порой случались и двух-трехдневные рейсы внутри республики, но бывали также рейсы, такие, например, как Благовещенск, которые занимали по времени от полутора до двух месяцев; и второе, главное – будет ли рейс прибыльным: тот же Благовещенск, Мытищи или Барнаул; или «голодным» – на Ригу или, к примеру, Тбилиси. (Что касается двух последних, то я уже имел «удовольствие» в этих городах побывать, как, впрочем, и в двух последних из первой тройки, что, отмечу, мне лично каких-либо значительных прибылей не принесло).

В тишине, установившейся в кабинете, отчетливо скрипнула дверь. Алик Наумович с неудовольствием поднял глаза на вновь вошедшего человека, собираясь отругать нерадивого опоздавшего проводника, посмеявшегося войти в столь ответственную минуту, однако внезапно его взгляд сделался беспомощным, начальник сбыта даже растерянно заморгал. Все обернулось к входу – в дверях стоял Валерий Карпин собственной персоной. На нем был коричневый вельветовый костюм, не скрывавший могучего торса, на мощной, стриженной налысо голове размещалась щеголеватая кожаная кепка, с которой он круглый год не расставался, но особенно выделялись его руки – это были мощные руки каменотеса, в общем, Валерия невозможно было с кем-либо спутать.

– Ну что, Алик! – зычно гаркнул он, развалистой походкой проходя на середину помещения и быстрым острым взором ошупывая всех присутствующих, – какой ты мне рейс на этот раз предложишь? Знаешь что: оформи меня, пожалуй, на Барнаул, а еще лучше – на Благовещенск, надоели все, бля, хочется от ваших морд отдохнуть.

– Я... да, да, я, конечно... – пробормотал начальник сбыта, делая знак своей помощнице – товароведу Маше, которая сидела за соседним столиком и занималась оформлением

документов. Затем он приподнялся со своего места, словно желая что-то добавить к сказанному, но вдруг как-то странно грудью повалился на стол, и лишь спустя минуту мы поняли, что ему сделалось нехорошо, пришлось даже вызвать скорую помощь, которая увезла Алика Наумовича в больницу. На следующий день мы узнали, что у нашего шефа случился инфаркт.

На третий день после случившегося, – рейсы из-за внезапной болезни шефа распределяла Маша, – Карпин отправился в рейс на Барнаул, так как на Благовещенск поставок вина в этот период не было, а меня через две недели вместо обещанного рейса на Уфу командировали в Стерлитамак, находившийся там же, в Башкирии, причем в напарники мне опять дали нового человека.

Новенького звали Володя Захаренко. Прежде я с ним не был знаком, да, пожалуй, и не мог быть, хотя мы с ним и были сверстниками: он, будучи четырнадцатилетним подростком, совершил какое-то преступление, за что получил срок и отправился, как говорится, по «ленинским местам». К 28 годам тринадцать из них он провел в тюрьмах и зонах, имея то ли четыре, то ли пять судимостей, при этом он являлся самым молодым в истории Молдавии «полосатиком», – так называют сидельцев в «крытой» тюрьме. Был он роста среднего, очень худ, всегда как йог спокоен, матом не ругался и в свои не ахти какие зрелые годы производил впечатление эдакого умудренного жизненным опытом старичка.

Глава вторая

Мы с Володей загрузили вином две единицы: «спец» на 28 тонн: это такой вагон с жилым купе посередине и двумя цистернами по 14 тонн, расположенными в отсеках, по бокам вагона, и «бандуру» – 60-тонник, в каких обычно перевозят нефть, спирт и прочие жидкие продукты. Вино нам досталось нестандартное и некондиционное – так называемое «сухо-крепкое»: содержание спирта 19 градусов, на цвет почти прозрачное, а на вкус как обыкновенное сухое при полном отсутствии сладости, или, как у нас еще говорят, без добавления сахара и краски. Мы с Володей не знали, радоваться нам или огорчаться: с одной стороны, вино было достаточно крепким, вдвое крепче стандартного сухого, только сахарину добавляй, сахарком жженым подкрашивай и продавай, выдавая за обычное – крепленое или десертное; с другой стороны, получи мы чисто сухое, 9-градусное, это означало бы полный провал нашего мероприятия, по причине отсутствия на него спроса у клиентов. Совершенно не надеясь на хорошее *лавэ* – прибылей, то есть, я всё же при первой возможности, во время заправки ёмкости купе питьевой водой из станционного гидранта на станции Бессарабская, шуранул в каждую ёмкость по тонне воды, – на всякий случай.

Одновременно с нами в том же составе рейсом на Уфу отправлялась еще одна такая же «двойка» вагонов, в которые было залито вполне кондиционное вино – портвейн розовый, а проводников, знакомых нам ребят, звали (по кличкам): Череп и Чарли. Нас с Володей, кстати, тоже называли не по именам, а по кличкам, которые в нашем городе в тот период носили практически все: Володю еще по тюрьме окрестили производным именем от фамилии Захаренко – Захар, меня же, очевидно, по созвучию с предыдущей профессией – Борман. (То есть был бармен с маленькой буквы, а стал Борман – с большой). Меня, честно говоря, несколько не смущало, что я носил кличку, служившую фамилией одному из фашистских лидеров – он был весьма загадочной и таинственной личностью; Бормана, как известно, уважали и боялись все: и свои, немцы, и русские, а также американцы с англичанами; иногда в современной прессе даже проскальзывают намеки на то, что он то ли благоволил, то ли симпатизировал русским.

Итак, мы отправились в рейс в одной сцепке с нашими приятелями-коллегами, из-за чего, забегая немного вперед, сообщаю, что грустить и скучать в дороге нам не пришлось.

Просыпаясь сравнительно поздно, где-то в районе десяти часов, мы с коллегами до самого полудня занимались спортом – это был бег, боксерские спарринги и т. п., затем

вместе обедали, по вечерам играли в карты, при этом, случалось, выпивали, но довольно умеренно. Ночью, если наш состав стоял где-нибудь в жилой зоне, мы принимались за «дело»: мои коллеги весьма оперативно «разували» стоявшие у домов «жигули», снося снятую резину в «пазухи» наших вагонов, не брезговали они и аккумуляторами. Затем, естественно, отсыпались после «ночных подвигов», потому и поздно вставали. Я, честно говоря, с затаенным страхом ожидал, что в конце концов дела эти закончатся плохо: или нас поймают хозяева обкрадываемых автомашин, или же и вовсе мусора заметут, но, как ни странно, всё в итоге обошлось. Приготовление обедов, а заодно и завтраков с ужинами для нашей четверки я добровольно взвалил на себя, для чего порой, в виде дополнительной спортивной нагрузки, мне приходилось гоняться с нунчаками за домашними курами или гусями, нередко бродившими в зоне отчуждения железной дороги, и поэтому считавшимися у нас «дичью».

Чарли с Черепом упражнялись достаточно серьезно: они много бегали, прыгали на скалке, затем, разогревшись, около часу боксировали между собой (Череп всего пару лет тому назад был то ли чемпионом, то ли призером республики по боксу, что не мешало Чарли – боксеру-самоучке, или, точнее сказать, уличному хулигану, настырному и агрессивному, побивать порой своего именитого соперника). Иногда я тоже принимал в этих драчках участие, и только Захар, глядя на нас, спокойно покуривал, а на предложение размяться отвечал с усмешкой: «Я, братцы, слишком хилый, куда мне с вами тягаться. Я, если надо будет, ножичком исподтишка пырну, и все дела».

Посуду после обеда чаще других приходилось мыть Черепу, и он, гремя ложками в котелке, просил нас: «Ну вы там, в натуре, когда домой приедем, пацанам не говорите, что я посуду мыл, а то засмеют». Тут, пожалуй, следует уточнить, что Череп уже в описываемый период был достаточно заметной в нашем городе личностью, его очень многие уважали и побаивались, а вскоре ему предстояло стать некоронованным королем города, эдаким бандитско-мафиозным символом.

На одном из полустанков, когда наш состав находился уже на территории Башкирии, наши группы-«двойки» расцепили, после чего сбросили с «горки», где мы и попрощались с ребятами, так как их вагоны вошли в состав, следующий на Уфу, а наши, уже в другом составе, предназначались к отправке на Стерлитамак. Признаюсь честно, лично я в минуту прощания вздохнул с большим облегчением: молодецкая удаль, неумемная энергия и криминальные наклонности Черепы и Чарли порой перехлестывали через край; к тому же во время ночных краж в мою обязанность входило с помощью рогатки (я неплохо с ней справлялся) выводить из строя ближайшие фонари, если таковые имелись, а затем стоять на шухере с нунчаками в руках и, в случае чего, отбиваться от преследователей, что меня никак не могло радовать. В своем вагоне Череп и Чарли увезли десятка четыре жигулевских колес, семь-восемь аккумуляторов и с полтонны всевозможных других запчастей.

Теперь, когда мы с Володией остались вдвоем, и никто, кроме нас самих, не организовывал наш досуг, я стал приставать к напарнику с расспросами, как да что происходит в тюрьмах и на зонах, каковы там человеческие взаимоотношения – тюремная «романтика» по-своему привлекательна и интересна, к тому же любой гражданин нашей замечательной родины, вчера еще законопослушный и вполне наивный, случайно оступившись, или же сознательно нарушив закон, уже завтра мог ощутить на себе все «прелести» этой самой романтики, так что знания о ней никому не могли помешать.

Володины истории, а рассказывал он их, надо сказать, без особой охоты, мы перемежали для разнообразия игрой в карты, причем я от него требовал, чтобы он обучил меня тем тюремным играм, с которыми я сам был мало знаком, как то: «бура», «тысяча» и так далее. Володя играл дерзко и жестко, и с самого начала поставил категорическое условие: играем только на деньги, хотя бы и в долг, в счет будущих доходов. Я, к слову, оказался неблагодарным учеником: подчинив строгой дисциплине свою обычную расхлябанность, я заиграл строго

на результат, и вскоре, начиная уже со второго дня, стал выигрывать у своего учителя, а тот, удивляясь, относил мои успехи к невероятной моей везучести. Кроме прочего, Володя неплохо играл в шахматы и случайно попавшая в наши руки коробка с фигурками, оставшаяся в вагоне от кого-то из предыдущих проводников, весьма нам пригодилась, когда мы, устав от карт и разговоров, устраивали шахматные баталии, и тогда мне, крепкому второразряднику, приходилось, признаюсь, очень напрягаться, чтобы переиграть своего оппонента. Ну а для поддержания спортивной формы, я во время стоянок продолжал бегать вдоль состава, подтягиваться и отжиматься на всех подходящих для этой цели железных деталях вагонов, а также упражняться на растягивание.

На девятый день нашего путешествия, которое, по всем расчетам, уже близилось к концу, во время стоянки, когда я, облаченный в спортивный костюм и кроссовки, бегал как обычно, трусцой вдоль состава, впереди, по ходу движения поезда, в утренней туманной дымке показались смутные очертания города Стерлитамак.

Когда я миновал головные вагоны нашего состава, меня окликнул машинист, высунувшийся из окна электровоза.

– Эй, парень, – сказал он. – В этих местах бегать не рекомендуется, здешний воздух отравлен выбросами химкомбинатов. Так ты запросто можешь заработать какое-нибудь заболевание легких.

– Надеюсь, что не успею, – отозвался я, не прерывая бега, – день-два, максимум три, и мы отсюда уедем.

Глава третья

Надо сказать, что никто из знакомых нам проводников никогда прежде в Стерлитамаке не бывал, поэтому некому было нас снабдить полезной информацией, например, как тут обстоят дела с продажей, а также с особенностями сдачи вина на местном заводе. По этой причине мы с Володей старались продать нашей бормотухи как можно больше, еще находясь в дороге. По уже хорошо знакомой мне технологии мы подкрашивали вино жженым сахаром, добавляли растворенный сахарин, добиваясь подходящего цвета и вкуса, а содержание в нем спирта и так было более чем достаточным. Продавалось вино, тем не менее, плохо, но мы на особые заработки и не надеялись, на еду бы хватило и ладно.

После обеда того же дня наш состав уже в черте города разобрали, а вагоны в результате долгих пертурбаций поставили... прямо напротив пассажирского вокзала, на третьем пути.

Закрыв спецвагон на замок, мы с Володей отправились разведывать обстановку; близость вокзала и гуляющий по перрону милиционер несколько напрягали нас, и по этой причине мы пока побаивались открывать продажу.

Обнаружив неподалёку от вокзала здание с вывеской «Баня», мы тут же вернулись в вагон за вещами и отправились купаться, а на обратном пути плотно поужинали в станционном кафе, где, как ни странно, в наличие имелась приличная горячая хавка, то есть, простите за жаргон, еда. Возвращаясь по свежему, некрепкому морозцу, мы мечтали, придя в вагон, лишь об одном: накатить по полстакана водки и завалиться спать. Однако нашим планам не суждено было сбыться: у вагона нас уже поджидала приличная очередь желающих приобрести вино и мы, естественно, тут же занялись делом, тем более, что милиционера в пределах видимости не обнаружили.

Я работал с радостным возбуждением, замешивая во фляге все новые порции нашей бормотухи, и с благоговением поглядывал на короткую, но всё время восполняемую очередь; Володя тем временем под моим неустанным контролем отпускал вино и брал деньги.

Стемнело, но поток покупателей не уменьшался, а после семи вечера даже увеличился, что, скорее всего, означало, что в местных магазинах уже закрылись винные отделы. Между

делом я не сразу обратил внимание на двух молоденьких женщин, которые уже с час, наверное, обитались в самой непосредственной близости от вагона; они, о чем-то переговариваясь между собой и пританцовывая сапожками на бетонном покрытии перрона, то и дело бросали взгляды в нашу сторону, а я, как назло, не мог оторваться от работы и поинтересоваться, для чего они здесь находятся. (Хотя я уже догадывался, для чего именно, как, впрочем, и вы, уважаемый читатель.) Наконец поток клиентов сошел на нет, и у меня выдалась свободная минута переговорить с девушками. Дамочки эти на первый взгляд выглядели вполне приемлемо, и, нас дожидаясь, уже ощутимо продрогли, поэтому я без излишних церемоний пригласил их в вагон. Обе подружки, на вид возрастом в пределах 25, не стали набивать себе цену и тут же забрались внутрь; мы познакомились, одну из них, темноволосую, звали Варей, другую, русоволосую – Верой, обе работали в конторе железнодорожной станции, одна – кассиршей, другая бухгалтером.

Володя был от наших гостей в восторге, еще бы: после более чем недельного путешествия мы уже прилично оголодали в сексуальном плане, а тут девушек даже не пришлось искать и уговаривать, они сами к нам пришли. Мы растопили печь, которая вскоре весело загудела, наполняя купе приятным теплом благодаря брошенным туда специальным длиннопламенным угольным брикетам, затем распили за знакомство бутылку водки, которой и ограничились, хотя гости были не против продолжить, и тут же распределились по парам, – я выбрал Варю. Володя отправился с Верой в отсек, а мы с Варей с удобствами расположились на полуторном топчане.

Моя партнерша оказалась темперамента средненького, но зато почему-то обильно истекала любовной жидкостью, что поначалу меня несколько тревожило, затем я попросту перестал обращать на это внимание.

С голодухи я сделал три захода подряд, после чего решил отдохнуть; Володя же всё это время, что-то около полутора часов, из отсека не появлялся. Периодически в двери вагона стучали, требуя вина, но мы, естественно, не открывали, так как были заняты другим делом, для нас на этот момент более важным. Вскоре после полуночи дамочки ушли, и мы с Володей, усталые, но довольные, с кружками крепкого, почти черного чая в руках, заваренного в полном соответствии с тюремными рецептами, уселись на топчане.

– Ты не представляешь, Савва, как я кайфанул! – восторженно изливал душу мой напарник, прихлебывая чифир. – Оказывается, трахать бабу так же приятно, как и мужика. – От его слов я вздрогнул и поежился, но он, не замечая моей реакции, продолжал: – Поставил я ее в отсеке раком и драл целый час, не останавливаясь.

– А куда хоть драл-то? – любопытствовал я.

– А черт его разберет, у баб ведь на одну дырку – ха-ха-ха – больше, чем у мужиков, да к тому же дырки эти рядом расположены, так что я толком и не понял – куда. Главное – мне было приятно.

Его рассказ меня, понятное дело, корежил, однако тут я вспомнил, что Володька-то на зону ушел совсем еще мальчишкой, поэтому первые опыты секса он познал там с мужичиной-гомосексуалистом, то есть по-простому с пидором.

– Постой-постой, а ты вообще раньше с бабой-то трахался когда-нибудь? – спросил его я.

– Да было пару раз... – неохотно стал припоминать Володя. – Когда после второй ходки откинулся. Мне, если честно, не понравилось, капризные они очень, и тогда я стал по городу знакомых пидоров отлавливать. А сейчас вот хорошо бабу прочувствовал, с бабой тоже неплохо. В рот, правда, брать отказалась, сказала: час всего знакомы, а ты уже хочешь всё разом.

Я рассмеялся:

– Если завтра придет, еще раз предложи, наверное, уже не откажет. Как старому знакомому.

Мы посмеялись этой шутке, а вскоре, допив чай, улеглись спать; в двери, к нашей радости, больше не стучали.

Глава четвертая

Проснувшись на следующий день около восьми утра, я оставил напарника в вагоне спящим, а сам отправился на станцию. Выведал у станционного начальства, что на винзавод нас поставят не раньше чем через денек-другой, так как там уже стояли вагоны под сливом, а короткая рампа не позволяет принимать больше двух вагонов одновременно. Радуюсь такому повороту событий, я продолжил свой путь и вскоре углубился в микрорайон, расположенный за станцией. Планировка этого района города не радовала глаз: он по большей части был застроен одно и двухэтажными зданиями, преимущественно деревянными, а единственным, заслуживающим моего внимания, оказалось здание столовки. Я еще названия её не разглядел, а желудок уже среагировал на донесшиеся до моего носа запахи голодными позывами, и я, решительно преодолев двойную утепленную пленкой дверь, вошел внутрь.

Выкрашенное в темно-синий мертвенный цвет помещение столовой, освещенное двумя слабосильными лампочками, висевшими под самым потолком, имело довольно унылый и неуютный вид, и я, уже не обращая внимания на интерьер, включавший в себя десятка два столиков с изгрызанными алюминиевыми столешницами и изрезанными ножами стульями вокруг них, направился к святому месту любой столовой – раздаче. Уборщица, чей огромный квадратной формы зад, обтянутый синим халатом, преградил мне путь, перемещалась по столовой виртуозно размахивая веником, словно каратист Брюс Ли – нунчаками; золотистая пыль, следуя за ней, облаком поднималась в воздух, никак не улучшая и без того хмурую атмосферу помещения. Раздача сияла девственной пустотой, и я свернул к кассе, за которой сидела среднего возраста кассирша – еще одна весьма упитанная дама.

– У вас сегодня что, санитарный день? – спросил я ее, кивая на уборщицу.

– Нет, работаем как обычно, – ответила она, холодно оглядев меня с головы до ног. (Одет я, надо признать, был довольно просто, а у нас, как вы знаете, встречают по одежке). – А что, вы чего-нибудь хотели?

– Да, обыкновенное дело, – в тон ей ответил я, – хотел бы чего-нибудь поесть. – И я кивнул на пустую раздачу.

– А чего именно? – смягчилась кассирша, выплывая из-за кассы.

– Ну не знаю, – сказал я, – каши там манной горячей, можно и творожка со сметаной, или хотя бы яичницу.

Кассирша широкой шаркающей походкой проследовала к огромному холодильнику-шкафу, открыла его, сунула внутрь руку, достала из его недр тарелку и поставила передо мной: на меня глянули два огромных мороженных серо-желтых глаза под названием «глазунья».

Я усмехнулся:

– И это все?

– Ну, есть еще блинчики с творогом, – выдавила из себя кассирша и развела руками. – Тоже в холодильнике. Вчерашние.

Ситуация все больше веселила меня.

– Так вы что же, завтраком людей здесь не кормите? Где горячее на мармитах, где образцы дежурных блюд, где, наконец, повар с приветливой улыбкой на лице?

– Вы... вам что, повара позвать? – слегка растерялась под моим напором кассирша.

– Нет, пожалуй, лучше сразу шеф-повара, – повысил голос я, заметив, что из глубин кухни выглядывает еще одна женщина в белом халате. – Подайте мне сюда заведующую производством – срочно, скажите, что она приглашается на личное расцеловывание за большие достижения в части обслуживания населения в сфере общественного питания.

Третья по счету женщина, обнаруженная мною в столовой, вышла в зал и, одергивая по дороге халат, направилась в мою сторону. Увидев ее, я смолк, а мой воинственный пыл мгновенно угас: она была молода, до тридцати, хороша внешне, сквозь тонкий нейлоновый халат угадывались гибкие формы ее пропорционально сложенного тела, а симпатичное лицо, обрамленное выющимися светло-русыми волосами до плеч, улыбалось.

– Здравствуйте, я здесь заведующая производством, а вы кто, простите, будете? – кокетливо спросила меня женщина.

– Здравствуйте, очень приятно, я буду простой советский гражданин, можно сказать, труженик, в данный момент натурально умирающий от голода, а меня тут... позавчерашней от мороженной яичницей кормить собираются.

– Вы случайно не?.. – с еще более располагающей улыбкой спросила женщина, и я, поняв, что она хочет спросить, не проверяющий ли я, выпалил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.